

ПО ТУ СТОРОНУ ТАЙНЫ

ВЕРА КРЫЖАНОВСКАЯ

ФАРАОН МЕРНЕФТА

Вера Ивановна Крыжановская-Рочестер

Фараон Мернефта

Серия «По ту сторону тайны»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73955357
Фараон Мернефта / Вера Крыжановская: Вече; Москва; 2025
ISBN 978-5-4484-5704-3

Аннотация

Согласно легенде, именно во времена фараона Мернефты случился исход евреев из Египта, а этот роман – реконструкция известных событий, но не с точки зрения евреев, а с точки зрения египтян.

Повествование состоит из трех историй. Одну рассказывает египетская принцесса, заодно раскрывая тайну рождения пророка Моисея. Другую рассказывает молодой египетский маг, который помогал евреям, потому что таким образом надеялся завоевать сердце любимой женщины. Третью рассказывает офицер из гвардии фараона Мернефты, избличая некоторых египетских аристократов, готовых ради личной выгоды погубить государство.

В итоге получается не повторение того, что написано в Библии, а совсем другая книга.

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	64
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Вера Крыжановская

Фараон Мернефта

Серия «По ту сторону тайны»

© ООО «Издательство «Вече», 2025

Часть первая

Рассказ Термутис, сестры фараона

Когда разыгрались события, решившие мою судьбу, двор находился в Танисе¹, который был любимым местом пребывания моего брата, фараона Рамзеса II².

Я была молодой девушкой, веселой, беззаботной, доброй, но слабохарактерной. Всеми любимая и балуемая, привыкшая к тому, что окружающие подчинялись моим прихотям, я жила счастливо, гордясь саном и красотой, в уверенности, что будущее готовит мне лишь розы. Сердце мое было свободно, и ни один из ухаживавших за мной мужчин мне не нравился.

В число моих постоянных поклонников входил один знатный молодой египтянин по имени Шенефрес. Это был красивый мужчина лет двадцати шести – двадцати семи, обладатель внушительного состояния, пользовавшийся милостью Рамзеса, при котором занимал высокую должность. Мне же, не знаю почему, он внушал неприязнь.

Однажды на празднике я почувствовала усталость. Желая

¹ Танис – древнеегипетский город, располагавшийся в северо-восточной части дельты Нила в Египте.

² Рамзес II Великий – фараон Древнего Египта из XIX династии, правивший приблизительно в 1279—1213 годах до н. э.

побыть в одиночестве, я удалилась в сад, издали сопровождаемая одной из моих прислужниц, и быстро направилась к беседке, окруженной акациями, расположенной вблизи реки и особенно любимой мною. Войдя туда, я с изумлением увидела Шенефреса, лежавшего на каменной скамье в припадке сильнейшего горя.

При виде меня он вскочил и хотел уйти, но отчаяние, выраженное на его лице, тронуло меня. Превозмогая внутреннее отвращение, я спросила Шенефреса о причине печали и о том, не могу ли помочь ему извлечь червя, который точит его сердце.

Шенефрес смутился и, бросившись к моим ногам, поцеловал края моей одежды и признался, что любит меня, умоляя сказать, может ли он надеяться, что я когда-нибудь изберу его в мужа.

Я уже упоминала, что не любила Шенефреса. Его слова, как бы ни были они смиренны, мне не понравились, и я, облекшись в царственную гордость, отвечала, что он никогда не внушит мне иных чувств, кроме тех, которые дочь фараона может питать к слуге.

Он встал, скрестив руки на груди, почтительно поклонился, умоляя простить его безумную смелость. Отворачиваясь от него, я увидела жгучую ненависть, сверкавшую в его черных глазах. Увы, это темное чувство, которому я тогда не придавала значения, в будущем оказало роковое влияние на мою жизнь.

Во время пребывания в Танисе я заметила, что моя лучшая подруга и собеседница, Аснат, печальна и задумчива, а часто – со слезами на глазах. Я привела ее на плоскую кровлю своих покоев, заставила усесться со мной рядом и сказала, сжимая ее руки:

– Дорогая Аснат, открой причину твоей грусти. Быть может, мне удастся тебе помочь.

Не отвечая ничего, Аснат опустилась к моим ногам и, спрятав голову у меня на коленях, разрыдалась.

– Ну же, скажи мне всё, – шептала я, глядя ее волосы. – Не может быть, чтобы мы вдвоем не нашли средства против твоего горя.

Она поцеловала мои руки и тихо отвечала:

– Только тебе одной, Термутис, моя подруга и повелительница, могу я во всем признаться. Я люблю и любима, но любовь моя несчастна, боги никогда не благословят ее. Ты знаешь, как тщеславен, жесток и строг мой отец... Он никогда не отдаст меня тому, кого я люблю...

– Кого же ты любишь? – спросила я с удивлением. – Разве это человек нечистой касты или какой-нибудь презренный аму³? Но как он мог тебе понравиться? Ведь ты можешь вы-

³ Аму – древнеегипетское обозначение евреев.

бирать между самыми изящными придворными.

– Нет! – воскликнула Аснат. – Тот, кого я люблю, египтянин, великий художник – добрый и прекрасный. Он скульптор и зовется Апофис. Некоторое время он работал в Фивах у своего дяди, который работает на моего отца, строит нашу семейную усыпальницу и дворец. Там я увидела его, и мы полюбили друг друга. Сейчас у него здесь собственная мастерская, я встречала его раза два-три на улице, но не могла поговорить, даже взглянуть на него поближе, так как не было никакого предлога. Боюсь, как бы отец что-нибудь не заподозрил. Он безжалостно погубил бы моего милого.

– Не плачь, Аснат, – сказала я весело. – Завтра ты увидишь своего возлюбленного. Я сама отправлюсь к скульптору и закажу ему статуэтку Хатор⁴ из зеленого мафкатского⁵ камня. Апофис сделает ее для меня, а также бюст нашей дорогой подруги Семнутис, которую несколько недель назад призвал к себе Озирис⁶. Прикажи, чтобы завтра, до наступления зноя, мои носилки были готовы и свита могла сопровождать меня.

На следующий день я села в носилки, посадила рядом с собой трепетавшую Аснат и приказала нести нас к скульптору Апофису. Утро было великолепное, я с наслаждением со-

⁴ Хатор (Хатхор) – в египетской мифологии богиня радости, любви, опьянения, веселья и танцев.

⁵ Мафкат – древнеегипетское название Синайского полуострова, которое означает «Страна бирюзы».

⁶ Озирис – в древнеегипетской мифологии бог, правящий в загробном мире.

вершила эту долгую прогулку, во время которой мы покинули пределы города и остановились в одном из предместий перед скромным домом, окруженным густым садом.

Предупрежденный моими скороходами, молодой художник, весь красный от волнения, стоял на пороге своего дома. При моем приближении он пал ниц, громко славя богов, которые благословили его жилище, приведя в него сестру фараона.

Я вышла из носилок, сказав совершенно растерявшейся Аснат:

– Не смущайся. Он прехорошенький.

Затем я выразила желание посетить мастерскую скульптора, чтобы судить о его работах и заказать ему кое-что.

Апофис почтительно пригласил меня в большой сарай, открытый с двух сторон, где была масса каменных глыб различной величины и несколько статуй, еще не готовых. Посередине, около огромной статуи Озириса, на подмостках стоял человек, занятый полировкой камня. Он был так погружен в работу, что, казалось, ничего не видел и не слышал.

– Итамар! – воскликнул с упреком Апофис. – Разве боги поразили тебя безумием?! Дочь фараона удостаивает своим присутствием наше скромное жилище, а ты сидишь, как сорока, повернувшись спиной к царевне.

Человек, к которому была обращена эта речь, обернулся, ловко спрыгнул на пол, сложил руки и встал неподвижно, как статуя Озириса. С минуту смотрела я на него как зача-

рованная, потому что никогда в жизни не видела создания столь совершенной красоты. Высокий, стройный, идеально сложенный Итамар с черными вьющимися волосами, которые обрамляли бледное лицо с правильными чертами. Но прекраснее всего оказались его глаза – черные и ясные, в которых светилась такая доброта и было столько обаяния, что я забыла обо всем на свете.

Оторвавшись от этого прекрасного зрелища, я приказала показать мне всё. Апофис вместе с Итамаром провел меня по мастерской, и я заказала ему еще два бюста: мой собственный и моей подруги, прибавив, что модели из глины должны быть слеплены во дворце.

Уходя из мастерской, я взглянула на Итамара. Он стоял в нескольких шагах. На мгновение его горячий странный взгляд встретился с моим, мое сердце сильно забилося, а я, как во сне, вышла и села в свои носилки. Сияющая от радости Аснат шепотом благодарила меня, но я почти не слышала ее слов.

* * *

На следующий день Апофис пришел вместе с помощником, и оба принялись за работу. В течение этого часа Аснат часто обменивалась с Апофисом взглядами и словами любви. На меня же присутствие Итамара действовало подавляюще, я задыхалась, и его взгляд жег меня огнем.

Однажды Апофис пришел один, и мне очень хотелось спросить его о том, где его работник, но гордость и стыд заставляли молчать.

На другой день скульптор снова пришел один. Беспокойство мое усилилось, я не находила себе места, и наконец Аснат, словно угадав мои тайные мысли, спросила, почему нет Итамара.

– Он болен, – отвечал Апофис.

– Кто-нибудь заботится о больном? – спросила я, сдерживая вздох.

– Он живет у своего зятя⁷ Амрама, а его сестра Иохабед ухаживает за ним. Они люди бедные, но добры и любят его.

– Почему ты так близок с каким-то аму? – спросила я.

– В Танисе их столько, что нельзя не знать их. Кроме того, мы с Итамаром знакомы давно. Его талант к ваянию и кроткий нрав заставили меня полюбить его.

– Аснат, – сказала я, – прикажи передать корзину плодов и амфору лучшего вина Апофису – это для его друга на время его выздоровления.

С этого дня я ощутила какую-то внутреннюю пустоту: мне не хватало Итамара. Во сне я слышала задумчивый, мелодичный звук его голоса, а его прекрасное лицо и чудесные глаза завораживали меня. Тщетно я внушала себе, что он презренный ремесленник, сын презираемого племени. Как только моя слишком острая память воспроизводила эти об-

⁷ Зять – здесь: муж сестры.

раз и обольстительную улыбку, я забывала о его происхождении, низком общественном положении – все предрассудки исчезали, всякое рассуждение уступало место неодолимому желанию во что бы то ни стало повидаться с ним.

Я не могла больше обманывать себя: да, я питала безумную страсть к отверженному, нечистому. Между нами бездна!

Ярость и стыд мучили меня, я боялась самой себя. Уж не овладел ли мной какой-нибудь злой дух?

Я стала сторониться окружающих, мне казалось, что всякий мог прочесть страшную тайну по моему лицу.

Желая избавиться от мучений, я искала развлечений, посещала храмы, приносила дары и жертвы богам, часами стояла на коленях с горячей молитвой на устах, умоляя невидимых спасти меня от наваждения и прогнать из моего сердца даже мысль об аму.

Я начала замечать, что Аснат с тревогой поглядывает на меня, но говорить не смеет.

Как-то вечером мы остались вдвоем в саду на небольшой террасе, выходящей на Нил. Облокотившись о балюстраду, я смотрела на воду, погруженная в мрачные мысли. Солнце садилось, обливая своими красноватыми лучами блестящую поверхность реки и листву деревьев. Я повернула голову, чтобы сказать что-то Аснат, и снова заметила в ее глазах странное выражение.

– Что за привычка смотреть на меня так, словно ты сле-

дишь за мной, – проворчала я.

Вместо ответа Аснат упала к моим ногам и, схватив мои руки, покрыла их поцелуями и слезами.

– Термутис, так не может продолжаться. В твоей душе происходит что-то ужасное. Ты бледнеешь и худеешь, сон бежит от твоего изголовья, лицо горит, а руки холодны как лед. Я знаю, что недостойна твоего доверия, но я так люблю тебя и ценою жизни могла бы доказать мою признательность. Я знаю больше, чем ты думаешь, – не без причины я удалила твоих прислужниц и сама охраняю твой сон. Во сне уста изменяют тебе, выдают то, о чем тревожится твое сердце, и ты неоднократно звала Итамара. О Термутис, прими мою помощь и любовь, чтобы сохранить это имя в тайне, чтобы оно не стало твоим позором и гибелью для несчастного.

Я была уничтожена. Всё прыгало в потемневших глазах: во сне я выдала себя. Если бы мои речи, произносимые во сне, подслушивал кто-нибудь другой, а не верная Аснат – о, тогда смерть была бы для меня счастьем.

Я обняла подругу детства за шею, прижала свое лицо к ее щеке и оросила ее слезами. Я испытывала адские муки, и никто не мог меня утешить, ибо происхождение моего любимого считалось презренным для египтян, я должна была забыть Итамара или презирать себя.

Когда первое волнение улеглось, мы с подругой разговорились.

Аснат поклялась молчать, так что теперь у меня была по-

веренная и я могла рассказывать ей о чувстве, поглощавшем всё мое существо.

* * *

Несколько дней прошли сравнительно покойно, а я всеми способами старалась оставаться наедине с подругой. Ложась спать, я отпускала своих женщин, и мы с Аснат беседовали часами.

Однажды ночью мы сидели у открытого окна, вдыхая аромат, доносившийся из сада. Во дворце всё спало, и только переключка часовых нарушала тишину, как вдруг под моими окнами раздался шорох и на колени к Аснат упал камешек с привязанным к нему клочком папируса. Она жадно схватила папирус и при свете луны прочла его.

– Это послание Апофиса, – вымолвила она, краснея. – Его принес выздоровевший Итамар. Он же доставит и мой ответ: если позволишь, напишу его на твоих табличках.

Я кивнула в знак согласия. Сердце билось так сильно, что рвалось из груди: там, внизу, в нескольких шагах от окна был Итамар. Мне хотелось побеседовать с ним, расспросить о здоровье, это было так естественно и для меня вполне пристойно.

Когда Аснат вернулась с табличками, я объявила о своем желании, и она не стала возражать, но, опасаясь, как бы под окнами не увидели мужчину, высунулась из окна и приказа-

ла Итамару пройти в крытую беседку. Затем подруга, подав руку, помогла мне сойти в сад. Ноги мои дрожали, хоть я не опасалась, что нас заметят. Если бы даже какой-нибудь часовой увидел меня гуляющей с подругой, то это не удивило бы его: мы часто наслаждались ночной свежестью, предпочитая отдыхать во время утомительного дневного зноя.

Мы уже подходили к беседке из акаций, когда Аснат припомнила, что оставила на столе какую-то вещь, которую хотела отослать Апофису. Извинившись, она быстро вернулась во дворец.

В первый раз я очутилась наедине с Итамаром, который, весь освещенный луной, стоял в нескольких шагах от меня, опершись о спинку каменной скамьи. Он похудел, прекрасное лицо омрачилось какой-то печалью. Мной овладело горячее желание утешить этого юношу. Я сделала несколько шагов к скамье и произнесла:

– Итамар, что с тобой?

При звуке моего голоса он вздрогнул, устремил на меня смущенный взор и упал к моим ногам.

– Солнце сияет слишком высоко, – пробормотал он. – Лучи его не могут дойти и прогнать туман, омрачающий душу бедного и нечистого, но тебя, светлая дочь фараона, да благословят и сохранят боги. Да осыплют они тебя всеми благами за слова сострадания, с которыми ты с высоты трона обращаешься к человеку более ничтожному, чем прах, попираемый твоей стопой.

Он на коленях подполз ко мне и, схватив край моей одежды, прижал его к своим губам.

– О царевна, я охотно отдам жизнь в уплату за то, что посмел дотронуться до тебя.

Трудно описать, что я почувствовала.

О любви не было сказано ни слова, но интонация говорила больше, чем слова. Тихий, дрожавший от сдерживаемой страсти голос опьянял меня. Глаза, блестевшие из-за опасения вызвать мой гнев и из-за душевного волнения, очаровали меня.

Невольно я положила руку юноше на голову, и пальцы мои погрузились в густые шелковистые кудри. При этом прикосновении я задрожала и, забывая осторожность и предрассудки, произнесла прерывавшимся от слез голосом:

– Ты страдаешь не один, Итамар, да послужит тебе это утешением. Я лью слезы, потому что происхождение твое – бездна между тобой и дочерью фараона.

При этих словах Итамар вскочил на ноги, схватив обе мои руки, склонился ко мне, жадно читая в моих глазах то, что я не в силах была скрывать. Он привлек меня в свои объятия, его пылающие уста слились с моими, шепча:

– Термутис...

Час спустя, возвращаясь в свои комнаты, я чувствовала себя оглушенной. Аснат, бледная и встревоженная, помогла мне лечь, но я не могла уснуть, опьянев от счастья, и в то же время ощущала себя угнетенной.

Что сказали бы Рамзес и жрецы, если бы узнали правду? Но я гнала эту мысль подальше от себя.

Прошло несколько недель. Под присмотром верной Аснат я несколько раз виделась с Итамаром и трепетала от одной мысли, что мы расстанемся навсегда. А между тем неизбежная разлука приближалась, двор готовился к возвращению в Фивы⁸.

В ослеплении страсти я вздумала принять Итамара в число своих слугителей, чтобы увезти с собой, но в ночь, когда мы должны были всё решить окончательно, он не пришел на свидание. Вместо него явился Апофис.

– Я всё знаю, царица, – сказал он в виде извинения. – И пришел умолять вас на коленях прекратить отношения с моим другом, ибо мы все рискуем головой. Мне кажется, за вами уже следят.

Он восстал против моего намерения увезти возлюбленного, уверяя, что у самого Итамара хватит ума отказаться, и я вынуждена была уступить, поставив единственным условием еще одно свидание, чтобы проститься.

Между тем Шенефрес после сурового отказа держался от меня на почтительном расстоянии, но однажды на пиру я уловила его взгляд, полный клокочущей ненависти и насмешки, а от прежнего почтения не осталось и следа.

⁸ Фивы – столица Древнего Египта, город в южной части страны, на берегах Нила. Автор использует привычное греческое название – Фивы, хотя египтяне именовали свою столицу – Уасет, «Скипетр».

Он знал? Но откуда ему было знать?.. Нет, это казалось невозможно!.. Очевидно, моя нечистая совесть всюду заставляла меня видеть призраков.

Накануне отъезда я увиделась с Итамаром. С печалью и слезами мне пришлось вырваться из его объятий, а он в последний раз прижал мою руку к губам и исчез.

* * *

Мрачной и унылой возвращалась я в Фивы, но, чтобы рассеять подозрения, вела привычный образ жизни, не пропуская никаких придворных увеселений. В то же время я сделала открытие, которое едва не лишило меня рассудка...

Я не смогла рассказать об этом даже верной подруге: холодный пот выступал при одной мысли о том, что меня ожидало. Только чувство самосохранения заставляло меня молчать, и я скрывала тайну, заставляя себя казаться веселой и не жалея румян для побледневшего лица.

Как-то вечером, когда я отпустила свою свиту, Аснат, оставшаяся со мной наедине, старалась развлечь меня болтовней, как вдруг сказала:

– Знаешь, брат шепнул, что сегодня за обедом Рамзес говорил о тебе. Фараону кажется, что тебя сглазили, поэтому он приказал великому жрецу храма Амона⁹ прислать врача,

⁹ Амон – бог темного пространства в воздухе. В сочетании с именем Ра (Амон-Ра) – бог солнца, верховное божество Древнего Египта. Считался покровителем

который принесет амулеты¹⁰. И вправду, Термутис, ты плохо выглядишь. Знаю, что тебя мучит любовь к еврею, но ты сама знаешь, что должна о нем забыть.

Я ничего не ответила: казалось, что сердце разорвется от страха. Завтра придет жрец и врач, посланный Рамзесом, и правда, лишившая меня покоя, будет открыта. Вид мой был так ужасен, что Аснат, взглянув на меня, воскликнула:

– Термутис, что с тобой?

Я привлекла ее к себе и открыла все...

Бледная как смерть, Аснат закрыла лицо руками.

– Мы все погибли, – прошептала она. – Что ты сделала, Термутис! А Итамар, как он посмел!..

– Оставь его, я одна виновата, – ответила я, закрывая ей рот.

Мы провели ужасную ночь, и только под утро усталость заставила нас погрузиться в тяжелый и глубокий сон.

Проснувшись, я приказала себя одеть, нарумянилась и уселась на небольшой террасе, украшенной цветами. Воздух был свеж, но от страха перед тем, что должно было произойти, всё мое тело горело. Я отпустила всех, кроме нескольких женщин, которые оведали меня опахалами, и ждала жреца. Аснат занималась рукоделием, но ужас сковывал ее уста и заставлял дрожать руки.

Фив.

¹⁰ В Египте жрецы храмов занимались врачеванием, поскольку считалось, что здоровье человека находится всецело во власти богов.

Жуткие мысли прервал придворный, явившийся доложить, что со мной желает поговорить Суанро, врач храма Амона.

Когда жрец приблизился и сел рядом, у меня в глазах потемнело. Я неоднократно видела Суанро, не обращая на него особого внимания, но в эту страшную минуту черты его лица врезались в мое трепетавшее сознание.

То был еще не старый человек, чье прекрасное, спокойное лицо выражало искреннюю доброту. Его глубокие глаза, казалось, читали в сердце человека, как в раскрытой книге. Не спуская с меня глаз, он начал расспрашивать, затем положил руку на мою грудь, слушая биение сердца. Не знаю, что и как я отвечала: я видела глубокую морщину, обозначившуюся на лбу ученого жреца и целителя... Аснат казалась превращенной в соляной столп. Наконец врач встал и, скрестив руки на груди, произнес:

– Уходите все. Я должен произнести заклинание против злых духов, расстроивших здоровье царевны.

Несмотря на опасения, я неожиданно почувствовала облегчение, когда мы остались одни.

– Несчастливая дочь царей! – произнес он. – Признайся во всем врачу и жрецу, которому ты можешь доверять, ибо он посредник между тобою и богами.

Невольно я опустилась на колени и с немой мольбой воздела к нему руки. Мое горло судорожно сжалось, и я едва пролепетала:

– Пощади.

– Несчастливая, какой пощады ты просишь?

– Молчания, – отвечала я и залилась слезами.

Суанро поднял меня, усадил на место и сказал:

– Ты просишь многого, но если будешь мне доверять, то я исполню твою просьбу, потому что твои слезы и глубокое раскаяние трогают меня. Термутис, признайся во всем без утайки, ибо я должен знать, кто виновник твоего позора, и клянусь величайшим из богов, которому служу, что буду молчать.

Мое признание должно было привести жреца в ужас: я нарушила все правила нашей веры и осквернила свою честь прикосновением к нечистому.

– Открой свою тайну, дочь моя, – говорил Суанро. – Не бойся ничего.

С подавленным рыданием я снова упала на колени:

– О, произнести имя виновника я могу лишь лежа во прахе перед представителем богов.

Суанро наклонился ко мне, и дрожавшие уста мои решились рассказать о том, что произошло.

Жрец вскочил с места и схватился за голову.

– Да, – сказал он, глядя на меня с отвращением. – Боги лишили тебя благодати, несчастная, злой дух овладел твоей душой и помутил разум.

– Ты прав, – отвечала я. – Слепую любовь к нечистому человеку внушил мне злой дух, хотя я боролась про-

тив чувства, хотела забыть его, молилась и приносила в храмах жертвы. Но бессмертные отвернулись от меня. Я знаю, что виновна, заслужила страдания и сорок два подземных судьи¹¹ приговорят мою душу к тяжкому наказанию во искупление греха. Так скажи мне, жрец Амона, может ли самоубийство искупить преступление? Сегодня же я прекращаю оскверненное существование, жизнь моя погибла, всё мне противно...

Судорожные рыдания помешали мне продолжать. Жрец усадил меня на место и, положив руку на мою голову, прочитал молитву, прося для меня прощения богов и их покровительства. Затем он мягко произнес:

– Успокойся, Термутис, я сделаю всё, чтобы спасти тебя, но и ты не проговоришься, что я знал истину. Теперь отдохни. Я пойду к Рамзесу, чтобы доложить, как собираюсь провести лечение, а затем пришлю тебе амулет, который даст силы против очаровавшего тебя злого духа.

С благодарностью я схватила руку великодушного врача и прижала к губам.

* * *

Вечером Суанро снова пришел и сообщил, что всё устро-

¹¹ 42 божества, сидящие по правую и по левую сторону от трона бога Озириса – правителя подземного мира и царства мертвых. Символизируют 42 греха, согласно религии Древнего Египта.

илось. Фараон, узнав, что на меня напал злой дух, согласился исполнить все требования жреца: я должна была покинуть Фивы и в сопровождении избранной свиты отправиться в Танис, где мне предстояло жить в уединении, пока молитвы и лечение не возвратят мне здоровье. Суанро обещал поддерживать меня, но я в свою очередь должна была обещать никогда не видеться с Итамаром.

Итак, я уехала в сопровождении Аснат, а также моей старой кормилицы, знавшей мою тайну, и нескольких верных служанок и служителей.

Мы поселились в танисском дворце. Я вела спокойную уединенную жизнь, не видела Итамара и думала о нем как о погубившем меня злом духе, но меня удручала мысль о том, что станется с ребенком, который должен был скоро родиться.

Я часто говорила об этом с Аснат, и однажды она мне сказала:

– Я видела Итамара и Апофиса, и вот что еврей просил передать тебе. Его сестра Иохабед тоже ждет ребенка. Она согласилась объявить, что родила двух близнецов, и воспитывать ребенка, которого ты не можешь оставить при себе, как собственное дитя.

Эта новость меня порадовала: маленькое создание будет воспитано отцом. Что же касается материального благополучия, то об этом я смогу позаботиться.

Я должна упомянуть еще об одном факте, о котором узна-

ла лишь впоследствии. Именно в то время, когда я находилась в Танисе в ожидании родов, старый гелиопольский¹² жрец, знаменитый своими предсказаниями, возвестил:

– Вскоре от отца-еврея родится ребенок мужского пола, который, достигнув зрелых лет, принесет несчастье всей стране. По его вине осквернится священный Нил, страна будет разорена и усеется трупами, все первенцы египтян погибнут, а гробница фараона, который после Рамзеса будет носить венец Верхнего и Нижнего Египта, навеки останется пустой, ибо только рабам будет известно, где погребено тело царя.

Мой брат Рамзес, на которого это предсказание произвело сильнейшее впечатление, созвал тайный совет для обсуждения мер, которые предотвратят страшные бедствия.

Было решено скрыть это предсказание от народа, который, будучи боязливым и суеверным, мог взбунтоваться, что привело бы к кровавой междоусобной войне. Также под предлогом, что евреев стало слишком много, было решено в течение года истреблять всех новорожденных мальчиков.

Живя в Танисе, я ничего этого не знала, никого не видела и никуда не выходила. Только гуляла в садах или каталась в лодке по ночному Нилу.

Очень скоро я должна была родить и со дня на день ждала прибытия Суанро, как вдруг заметила, что Аснат находится

¹² Гелиополь – один из древнейших и важнейших городов в Древнем Египте, расположенный к северо-востоку от современного Каира.

в странном волнении.

Я стала ее расспрашивать, и сперва она отказывалась говорить, но после моего приказа призналась, что опасается неизвестного врага, ибо Итамар уже дважды едва спасся от руки убийцы. Апофис и родственники умоляли его покинуть Танис, но он говорил, что не дорожит собственной жизнью и не покинет город в минуту рождения ребенка, который подвергнется страшной опасности, если окажется мальчиком. Также Аснат пришлось сообщить мне о жестоком указании Рамзеса, уже приводившемся в исполнение.

Все эти вести напугали и расстроили меня. Я не хотела, чтобы Итамар умер. Он околдовал меня: я боялась его, но любила всей душой. Я послала к нему Аснат с приказанием скрыться, но это ни к чему не привело.

– Передай Термутис, – ответил он, – что я остаюсь, и если умру ради царевны, то буду счастлив.

Мое сердце сильно забилося.

– Остается одно лишь средство, – решила я, – мне самой нужно поговорить с ним, меня он послушает.

Аснат пыталась остановить меня, но я не сдавалась. Мне хотелось во что бы то ни стало повидаться с Итамаром, и, посвятив в тайну свою кормилицу, я начала обдумывать план действий.

Ночью я выразила желание прогуляться по Нилу, и это стало предлогом покинуть дворец. Мы с Аснат и кормилицей сели в лодку, управляемую четырьмя верными гребцами, и направились к кварталу, где жили те люди, кто не принадлежал к числу египтян, в том числе евреи.

Лодка причалила к роще диких смоковниц, и мы быстро двинулись к жилищу Иохабед.

Аснат остановилась у бедной, обнесенной забором хижины, и постучалась в калитку. Из хижины доносились чьи-то стоны.

Предчувствуя недоброе, я сама открыла калитку. Зрелище, представившееся моим глазам, лишило меня рассудка: среди бедно обставленной, слабо освещенной комнаты в луже крови лежал Итамар и уже не дышал, а в грудь его по самую рукоятку был воткнут нож. Две женщины и мужчина растерянно бегали вокруг трупа.

Забыв всё, я бросилась вперед. Покрывало свалилось с моей головы, позволяя всем видеть мое лицо и богатые одежды, а я опустилась на колени возле тела Итамара. Оно уже было холодным, я наклонилась над ним, и всё закружилось перед глазами. Как в тумане я видела евреек, указывавших на меня пальцами и о чем-то жарко шептавших, а затем потеряла сознание...

Придя в себя, я обнаружила, что всё еще нахожусь в хижине Итамара, а спустя еще несколько минут родила сына.

Бледные и дрожащие от страха кормилица и Аснат едва дали мне поцеловать новорожденного: кормилица, женщина сильная, взяла меня на руки и вынесла на улицу.

Вскоре я лежала в своей лодке, разбитая душевно и телесно. Гребцы направились ко дворцу.

– Всемогущие боги, – прошептала я, – сколько времени мы провели там?

– Около трех часов, – отвечала Аснат, нежно целуя мою руку. – Успокойся, Термутис, теперь всё будет хорошо, никто не заподозрит, что ты разрешилась от бремени. Сама Хатор внушила тебе мысль об этой поездке.

– Ребенка убьют так же, как убили его отца, – прошептала я с горечью.

– Гляди, – сказала Аснат, восторженно простирая обе руки к сиявшему светилу. – Ра¹³ выходит из тьмы и божественными лучами освещает твое возвращение во дворец. Это счастливое знамение для тебя и для невинного малютки, которого хорошенько спрячут.

Через полчаса лодка причалила к каменной лестнице, к верхним ступеням которой примыкала аллея, ведущая в мои покои.

На самой верхней ступени я заметила человека в сиявшей белизной одежде жрецов. Это был мой врач и спаси-

¹³ Ра – бог солнца и само солнце.

тель – Суанро, явившийся согласно обещанию, чтобы помочь скрыть страшную тайну. Он пошел навстречу и пожал мне руку.

Я была так слаба, что мои люди вынуждены были отнести меня в комнату, где Аснат и кормилица с помощью врача уложили меня и окончательно привели в чувство. Врач приготовил питье, которое чудесным образом меня подкрепило, а когда я немного оправилась, он приказал оставить нас одних.

– Дочь моя, – произнес Суанро, усаживаясь возле кровати, – я вижу, что самое трудное позади. Но где ребенок?

Когда я рассказала ему всё, он кивнул.

– С радостью вижу, дочь моя, что боги сжалились и чудесным образом избавили тебя от опасности. Ребенок находится там, где ему следует быть, а околдовавший тебя человек предан заслуженной смерти, ибо осмелился осквернить дочь фараона. Теперь тебя будет легко вылечить. Отдыхай и продолжай принимать это питье, оно даст тебе силу скрыть истину от твоих приближенных, чтобы не возбудить подозрений.

Я поблагодарила его и, приказав Аснат подать мне ларец, наполненный драгоценностями, сказала:

– У тебя есть восьмилетняя дочь, Суанро. Да воздадут тебе боги за то добро, которое ты мне сделал, в ней. Когда ты выберешь ей достойного ее мужа, прибавь к приданому вот это на память о бедной Термутис.

Оставшись одна, я заснула, а после этого целительного сна приказала Аснат одеть меня и перенести на плоскую кровлю. Я хотела, чтобы меня видели.

Именно тогда мне доложили, что Шенефрес, прибывший из Фив с поручением от фараона, просит принять его. В такую минуту вид этого человека был мне вдвойне ненавистен, но он явился от имени Рамзеса, и я не могла отказать.

После обычных приветствий он сказал:

– Царевна, прикажи свите отойти, ибо то, что мне доверено передать тебе от имени фараона, не должен слышать никто, кроме тебя.

Сияясь сохранить равнодушный вид, я сделала моим людям знак удалиться, но сердце мое забилося, как птица в силке. Мне казалось, что этот человек, пристально глядевший своими бездонными черными глазами, знал мою тайну.

– Говори, – сказала я, – что ты должен мне передать.

Он приблизился и, с насмешкой взглянув на меня, произнес глухим голосом:

– Я явился, чтобы повторить просьбу, которую ты очень сурово отвергла. Согласен, что Шенефрес, египетский саванник, недостойн дочери фараона, но будет ли дерзостью с его стороны, если он пожелает жениться на вдове Итамара?

Я глухо вскрикнула: негодяй знал всё! Кто же ему рассказал?

Вдруг мой помутившийся взор остановился на его поясе: недоставало кинжала с резной рукояткой, и черноватые пят-

на виднелись на его богатой одежде.

С быстротою молнии я вспомнила, как жутко выглядел труп Итамара с ножом в груди. Несмотря на слабость, я поднялась с подушек, трепеща от гнева.

– Это ты убил его! – воскликнула я дрожащим голосом. – Уйди и никогда больше не показывайся мне на глаза. Скорее я выберу смерть, чем горькую участь принадлежать тебе.

Я была вне себя, но Шенефрес не шевельнулся. Вперив в меня надменный взгляд, он вынул из-за пояса папирус и подал мне. У меня помутилось в глазах, когда я прочла следующие строки, написанные и подписанные Рамзесом:

«Недостойная дочь великого царя, не заслуживающая чести царского погребения, имя которой следует вычеркнуть из списков представителей царского рода и предать забвению! Знай, что я приказываю тебе принять в мужья благородного Шенефреса, который передаст тебе этот папирус, ибо моя неизменная воля положит конец позору, которым ты покрыла дом Рамзеса, а Шенефрес уважает, несмотря на твой позор, божественную кровь, текущую в твоих жилах».

Рамзесу было всё известно. Значит, Итамар убит по его приказанию? Будучи не в состоянии думать и отвечать, я уронила папирус, упавший на пол.

Шенефрес поднял царское письмо и, наклонясь ко мне, произнес:

– Термутис, да или нет?

После совершенного мной преступления я не посмела

ослушаться Рамзеса.

– Да, – отвечала я, беспомощно склоняя голову. – Если фараон велит, то я буду твоей женой, Шенефрес.

Он схватил меня за руку.

– Забудь прошлое, отдай мне всё свое сердце, и я буду великодушным мужем.

Он прибавил несколько слов, которых я уже не поняла, потому что голова кружилась, огненные языки рокочущего пламени плясали перед моим меркнущим взором.

Смутное воспоминание: Шенефрес, стоя на коленях возле моего ложа, держал меня в объятиях, и нас окружили смущенные лица, а затем я лишилась сознания.

* * *

Я выздоравливала; Аснат и спасший меня добрый врач Суанро продолжали ухаживать за мной и постепенно сообщали мне новости. Двор снова находился в Танисе, и однажды, когда я лежала в бреду, Рамзес посетил меня. Молча посмотрев, мой брат вышел со вздохом и больше не приходил, но часто осведомлялся о моем состоянии.

Я выздоровела скорее, чем того желала. Шенефрес ежедневно навещал меня. Он был сдержан, но я знала, что за этим кроется и что меня в итоге ожидает, а окончательно решиться всё должно было, когда я официально встречу с братом.

Я еще не виделась с Рамзесом. Даже мысль о том, чтобы предстать перед ним, приводила меня в трепет. Наконец через одного из своих приближенных он дал мне знать, чтобы на следующий день я приготовилась его принять, ибо брат хотел объявить двору о моей помолвке с Шенефресом.

Утром я приказала нарядить себя с особой тщательностью. Мне хотелось быть прекрасной, как богиня, и своим видом смягчить сердце Рамзеса. Я знала, что он впечатлителен и наверняка не сможет считать греховной свою сестру, если она своим видом подобна богине. Вот почему я надела пурпурное, богато вышитое платье, самые дорогие из моих драгоценностей и клафт¹⁴, украшенный царскими знаками.

Когда одна из моих женщин поднесла мне металлическое зеркало¹⁵, я без лукавства могла признать, что была на редкость красива, а душевное волнение, заставлявшее гореть ярким румянцем мои щеки и придававшее блеск глазам, увеличивало мою прелесть.

Мне доложили, что посланные от Шенефреса просят принять их. Я изъявила согласие, и один из моих офицеров впустил старого дворецкого моего жениха и нескольких рабов, несших корзины и ящики, полные тканей, драгоценностей и

¹⁴ Клафт – особый головной убор из ткани, цвет которой различался в зависимости от сословия. У фараонов и их родственников был с синими и золотыми полосками. Покрывал голову и лоб до самых бровей, боковые концы ткани спускались на плечи, а задний конец стягивался шнурком, создавая подобие косы.

¹⁵ В Древнем Египте не было зеркал как таковых. В качестве зеркала использовалась идеально отполированная металлическая поверхность.

других подарков. Старик пал ниц, умоляя принять эти вещи, присланные его господином.

Приближалось время прихода царя. Я отправилась в приемный зал, где заняла сиденье из слоновой кости, стоящее на возвышении рядом с золотым тронном Рамзеса. Шенефрес, ожидавший в зале, приветствовал меня и проводил до моего места.

Появился церемониймейстер, объявивший, что фараон, радуясь моему выздоровлению, объявленному жрецами окончательным, шлет подарки и сам скоро явится.

Началось величественное шествие придворных и невольников, несших подарки: корзины, наполненные дорогими тканями, шкатулки с благовониями и драгоценностями, золотые и серебряные чаши и блюда, редкие растения с сочными плодами, заморских птиц с блестящими перьями, прикованных золотыми цепочками к цветущим веткам.

При виде столь щедрых даров я испытала надежду, что первый гнев царя прошел. Но мое сердце замирало при мысли о том, как все-таки обойдется со мной мой величественный брат. Быть может, вместо прежней привязанности взгляд фараона выразит отвращение и презрение?

Шенефрес, не спускавший с меня глаз, видимо, понял мои опасения и, наклонясь, прошептал:

– Кажется, боги смягчили сердце Рамзеса и остудили гнев, поэтому надейся на его доброту, беспредельную, как и милость Озириса.

Послышался лязг оружия: гвардейские офицеры, сопровождавшие царя, выстраивались в галерее, и я заметила между колоннами высокую фигуру брата, приближавшегося в сопровождении жрецов, веероносцев и огромной, повсюду сопровождавшей его свиты. Трепеща, я вышла к нему навстречу.

Лицо царя было строго, глаза сурово глядели из-под нахмуренных бровей. Когда он приблизился, я хотела произнести несколько приветственных слов, но губы не повиновались мне. Я опустилась на колени и прижала к губам его руку.

Все думали, что таким образом я выражала благодарность за великолепные дары, но Рамзес понял мою немую мольбу о прощении. Чело его прояснилось, он нагнулся, поцеловал меня в лоб, отвел к моему месту и сам сел на трон.

Я чувствовала, что он смотрит на меня, но, пылая от стыда, не смела поднять глаз и почувствовала облегчение, когда Рамзес добродушно сказал:

– Я счастлив, Термутис, что вижу тебя излечившейся от страшной болезни, которая в течение стольких месяцев лишала нас твоего общества. Постараемся дарами и жертвоприношениями доказать бессмертным твою благодарность.

Сопровождавшие фараона жрецы, среди которых был и мой спаситель, благословив меня, поднесли драгоценные амулеты, которые должны были навсегда оградить меня от дурного глаза.

Затем Рамзес объявил всему собранию, что, ценя верность Шенефреса и оказанные им услуги стране и царю, отдает меня ему в жены. Он приказал Шенефресу подойти, вложил мою руку в его, отдал ему перстень с собственного пальца и великолепное ожерелье.

* * *

Я обхожу молчанием нашу свадьбу, отпразднованную несколько дней спустя, потому что это торжество, для многих женщин являющееся счастьем, для меня было печальным событием: сердце мое было преисполнено воспоминаниями об Итамаре.

Шенефрес чувствовал, что я не люблю его. Он шпионил даже за моими мыслями. Хоть перед людьми мой муж и оказывал мне уважение как женщине царской крови, зато наедине не стеснялся: в горьких и оскорбительных выражениях упрекал за равнодушие к нему и за постыдную любовь к недостойному.

Иногда эти припадки ревности к умершему бывали для меня очень тягостны, но я всё выносила безропотно, сознавая себя виновной, и не смела жаловаться Рамзесу, так как он мог ответить мне, что муж вправе требовать любви и благодарности.

Признаюсь, я с большей радостью и готовностью подчинялась бы желаниям Шенефреса, если бы не терзалась страш-

ными опасениями за участь своего ребенка. Истребление еврейских детей, начавшееся из-за страшного предсказания, продолжалось, и я боялась узнать о гибели сына.

Однажды Аснат сообщила, что получила известие от Иохабед о том, что ей невозможно скрывать малютку, чудесным образом спасшегося от всех опасностей. Я провела бессонную ночь, но страхи материнского сердца помогли мне придумать план, имевший шансы на успех.

Я приказала передать Иохабед, чтобы она положила ребенка в хорошо просмоленную корзину и чтобы оставила ее в тростнике в том месте, где я купалась с моими прислужницами. Пусть все подумают, будто Нил случайно занес туда плавучую колыбель, которой отчаявшаяся мать доверила свое сокровище.

Я рассчитывала, что одна из моих служанок заметит корзину и, найдя в ней ребенка, покажет мне. Тогда никто не помешает мне воспользоваться царской прерогативой и даровать жизнь одному из бедных созданий, осужденных на смерть царским указом.

Конечно, я не могла сразу оставить ребенка при себе, чтобы не возбудить подозрение в Шенефресе, интересовавшемся, что случилось с сыном Итамара, хоть я и уверила мужа, что малыш умер при рождении. Вот почему я хотела снова поручить ребенка Иохабед, чтобы она воспитывала его до того времени, когда я буду в состоянии открыто покровительствовать ему.

Мне предстояло увидеть дитя любви, которое я не видела со дня его рождения, потому что Шенефрес тщательно следил за мной: случайное свидание или прогулка в еврейский квартал могли возбудить подозрения.

* * *

В назначенное утро, пока прислужницы, спустившись к берегу по каменной лестнице, расстилали ковры около маленькой бело-голубой полосатой палатки, я остановилась на верхней ступеньке, жадно всматриваясь в тростник и в воды Нила, сверкавшего на солнце как зеркало.

Вздых благодарности вырвался из моей груди и вознесся к бессмертным: не было ни малейшей волны, которая могла бы опрокинуть ненадежную корзинку, колыбель моего сына.

В эту минуту одна из женщин воскликнула:

– Смотрите, в тростнике корзинка. Ее, вероятно, потеряли.

У меня подкашивались ноги. Поняв это, Аснат сошла вниз и велела одной из прислужниц:

– Зета, достань корзинку, хочется взглянуть, что в ней...

Молодая девушка, к которой обратилась Аснат, немедленно бросилась в воду.

– О, госпожа, – воскликнула она, – тут лежит ребеночек, прехорошенький, как ангелочек.

Зета вернулась к лестнице, по которой я медленно спус-

калась, и подала корзину моей подруге.

– Какой прелестный ребенок! – воскликнула та. – Взгляни, Термутис. Кто бы мог покинуть бедное создание, предоставив его воле богов и волн?

Я увидела лежавшее на дне корзины крохотное существо, завернутое в белые пеленки. Его большие черные глазки были раскрыты, а по щекам катились крупные слезы.

– Это, без сомнения, еврейский ребенок, – сказала я, – должно быть, его бедная мать, не надеясь спасти малыша от слуг фараона, отправила его в воды Нила. Она предпочла, чтобы он умер вдали от нее или чтобы какая-нибудь сострадательная душа приняла несчастного малютку. Боги принесли его ко мне, я спасу его.

Я положила руку на грудь ребенка в знак моего покровительства.

Увы, я и не подозревала, что бившееся под моими пальцами сердечко со временем преисполнится гордостью и честолюбием, а также ненавистью по отношению к роду фараонов. Неумолимая судьба заставляла меня спасать именно того, кому суждено было навлечь все предсказанные беды на мою родину и мое семейство. Но, к счастью, будущее скрыто от смертных, и в ту минуту я ощущала только радость и любовь.

Я приказала отнести ребенка в палатку и добавила:

– Надо отыскать какую-нибудь еврейку, которая возьмется кормить малютку. Я позабочусь, чтобы ее не беспокоили.

Зета, иди на дорогу и приведи ко мне первую встречную.

Она вернулась в сопровождении девочки лет одиннадцати или двенадцати, прелестное личико которой живо напомнило мне Итамара.

– Это Мириам, дочь Иохабед, – шепнула мне Аснат, а девочка пала передо мной ниц.

– Встань, дитя, – со всей возможной добротой произнесла я. – Не знаешь ли ты кого-нибудь, кто возьмется ухаживать за ребенком, отправленным плавать по Нилу женщиной из твоего народа? Боги принесли ребенка ко мне, чтобы я спасла его. Я оплачу уход за малышом и буду покровительствовать этому ребенку впоследствии.

Девочка пролепетала, что приведет мать, недавно потерявшую младенца, которая с радостью послужит мне.

– Приведи ее сюда сейчас же, пока я не вернулась во дворец.

Мириам убежала, а я, выкупавшись, легла в палатке и приказала подать ребенка, который заплакал.

Я ласкала и целовала младенца; он успокоился. Я рассматривала его: действительно, ребенок был редкой красоты и как две капли воды похож на отца. Я не могла им налюбоваться, равно как и мои прислужницы, толпившиеся около меня и не подозревавшие, как сильно я интересовалась его судьбой. Они думали, что только его красота смягчила мое сердце.

Я с нежностью прижимала ребенка к своей груди, когда

вдруг появилась бледная и трепещущая Иохабед. Она пала ниц и поцеловала землю, я приказала сестре Итамара встать.

– Ничего не бойся, добрая женщина, я желаю тебе добра. Возле того места, где я обычно купаюсь, мои женщины нашли корзину, в которой был этот ребенок. Кажется, он принадлежит к вашему народу. Он недаром приплыл по священным водам Нила, словно прося моего покровительства. Я заменю ему родителей. Корми и воспитай его, тогда ты получишь от меня щедрую плату за твои заботы о нем.

Сняв с себя амулет на золотой цепочке, я надела его на шею ребенка, а затем завернула малютку в дорогой платок и вынесла из палатки на солнце.

– Назову его Мезу – сын воды, – сказала я, целуя малыша, и, подняв его повыше к солнцу, прибавила: – Ра, о могучий бог, пославший мне это дитя, сохрани и защити его. Женщина, возьми ребенка и регулярно присылай мне вести о нем. Скоро я покину Танис, но когда я буду в Фивах, то принеси его во дворец и получишь вознаграждение.

Иохабед припала к моим ногам и, забрав ребенка, скрылась.

* * *

Мне казалось, что с моей души свалилась огромная тяжесть: я обеспечила жизнь моему ребенку и могла покровительствовать ему в будущем. А при встрече с Итамаром в

царстве теней, где все люди равны между собою, мне не за что было бы краснеть перед ним.

Однако я очень опасалась чем-либо выдать свое счастье, поэтому притворилась утомленной и печальной. Я ужасно боялась, как бы Шенефрес, вечно подозревавший меня и отслеживающий каждое мое действие, не узнал истину. Однако всё обошлось, и дело решилось намного проще, чем я ожидала. Шенефрес не выразил даже малейшего недовольства по поводу усыновления ребенка, и я имела возможность видеть малютку, которого Иохабед иногда приносила ко мне. Она объявила, что это ее собственный ребенок и что она сама пустила его на воды Нила. Таким образом, на меня не могло пасть подозрение, а когда Мезу исполнилось четыре года, я взяла его на воспитание в свой дворец.

Волнуясь, я показала его Рамзесу, но миловидное лицо и ум мальчика – ум, даже слишком острый и ясный для такого малого возраста, – понравились царю. Фараон стал оказывать ребенку внимание, часто разговаривал с Мезу, получая всегда верные и даже поразительные ответы.

Благородный жрец и врач Суанро, оставшийся моим другом, воспользовался этим добрым знаком благоволения, чтобы сообщить фараону всю правду и убедить царя, что мальчику, в жилах которого течет кровь Рамзессидов, следует дать подобающее воспитание. Итамар поплатился жизнью за преступную дерзость, но я, мать этого ребенка, была дочерью фараона.

Рамзес спокойно выслушал объяснение и с тех пор открыто покровительствовал Мезу, который перестал быть всего лишь хорошенькой игрушкой в моем доме.

Сначала его включили в число детей, составлявших общество царских сыновей, а затем, по повелению фараона, он был определен в знаменитую школу дома Сети¹⁶, где воспитывались самые образованные и благородные люди Египта.

В злобном сердце Шенефреса проснулось смутное подозрение, вызванное моей нежностью и необычайным сходством Мезу с Итамаром. Мой страшный муж с затаенною ненавистью следил за мальчиком, но доказательств не было, а открытое покровительство царя не позволяло Шенефресу что-либо предпринять. И всё же за материнское счастье я поплатилась множеством тяжелых и утомительных домашних скандалов.

* * *

Прошли годы, ребенок стал юношей, и жрецы дома Сети рассыпались в похвалах его редким способностям, прилежанию, мужеству и ловкости. Ему недоставало только дара слова, и главным орудием его красноречия было перо.

Его любовь и благодарность ко мне были трогательны, и все печальные мысли разлетались, когда он усаживался воз-

¹⁶ Сети I – фараон из XIX династии Древнего Египта, правивший приблизительно в 1290—1279 годах до н. э. Отец Рамзеса II.

ле меня, с блестящими глазами и пылающим лицом рассказывал о своих успехах, занятиях и обо всех событиях своей ученической жизни.

Иногда казалось, что я вижу Итамара: рост, черты лица, движения были у сына те же, что и у отца. Но выражение глаз было иное: в добром и нежном взгляде его отца не было гордости, упорства, бурных страстей, сверкавших в пламенных глазах Мезу.

Однажды он сообщил, что старый жрец, учивший его науке звезд и светил, составил для него личный гороскоп, который сулит славное будущее. «Ты населишь пустыню, – возвестил ему предсказатель. – Под жгучими лучами Ра ты принесешь тысячи жертв богу и умрешь на такой высоте, что только один будешь столь близок к облакам».

Радуюсь блестящему будущему своего сына, я гладила Мезу по голове, погружала пальцы в его черные шелковистые кудри и благодарила богов за покровительство.

Так прошло еще некоторое время. С окончанием образования Мезу получил прекрасную должность при дворе, но удача выскочки возбудила зависть и тайный ропот египетских вельмож, жадно искавших случая очернить моего сына перед Рамзесом. Мелкие дрязги ожесточили характер Мезу: веселый и деятельный юноша стал мрачен, задумчив и необщителен.

Мечтой моей жизни стало женить его на молодой знатной египтянке и этим союзом уничтожить предрассудки, вредив-

шие карьеры. Красивый, умный и высокопоставленный молодой человек, которому я покровительствовала как сыну, не встретил бы отказа, но, к моему изумлению, Мезу выразил отвращение к браку и умолял оставить мысль о женитьбе.

Он начал глубоко сочувствовать несчастному народу, из которого происходил. Он постоянно навещал своих мнимых родителей, Амрама и Иохабед, привез с собой в Фивы их сына Аарона, которого считал своим братом. Мезу часами разговаривал с этим хитрым и сметливым юношей, учил его и заставлял рассказывать историю своего народа, а также все подробности о страданиях и унижениях.

* * *

Незаметно я постарела, а Мезу минуло тридцать лет. Мое здоровье стало очень слабо, и я чувствовала, что смерть приближается. У меня возникло навязчивое желание умереть там, где разыгралась главная драма моей жизни.

До моего отъезда в Танис придворные интриги снова стали причиной неприятностей для Мезу, и я умоляла Рамзеса дать ему место командующего армией, так как это назначение, надолго удаляя моего сына из Фив, дало бы возможность улечься всем неурядицам.

Моя просьба была исполнена, да и время было подходящее – готовился поход, кажется, против ливийцев.

Счастливая и спокойная, я прибыла в Танис в сопровождении Шенефреса, который, будучи в отчаянии из-за моего здоровья и боясь, что скоро потеряет меня навсегда, проявлял ко мне постоянную заботу. По-своему он любил меня, но, увы, его мнительная ревность с годами не ослабевала.

Несколько недель спустя после нашего приезда я лежала на плоской кровле своих покоев, с которой открывался вид на сады, и с наслаждением вдыхала свежий воздух. Лучи заходящего солнца золотили верхушки пальм, отбрасывая красноватые тени на темную зелень роц и фантастически освещая полный воспоминаний сад.

Я погрузилась в грезы о былом. Вон там окруженное розовыми кустами окно, через которое послание Апофиса упало на колени Аснат, давно умершей. А под кудрявой листвой той роци я увидела Итамара в нашу первую ночь. Я вспомнила, как любовалась им, освещенным луной, грустным и прекрасным молодым человеком. Сердце забилось при воспоминании о блаженном часе, лучшем в моей жизни, потому что, помня лишь о любви, я совершенно забыла все перенесенные страдания и не хотела знать о тех, которые нам еще предстояло пережить.

Мне доложили, что Мезу, прибыв из Фив, просит принять его. Я приказала немедленно впустить сына, так как вид этого дорогого мне лица всегда был бальзамом для моего сердца.

Когда все вышли, он уселся на подушку возле моего ложа

и прижал мои руки к своим губам:

– У тебя страдальческий вид, а глаза обведены темными кругами. Дорогая матушка, найду ли я тебя в здравии, когда вернусь? Я останусь одиноким и покинутым без тебя. Кто будет любить меня так же, как ты?

Ныне живущие, думая о великом законодателе Мезу, представляют себе величественного строгого старца, бесстрастного исполнителя воли Бога Израиля, боровшегося с надменным фараоном и принесшего земле Египетской бедствия и неисчислимы жертвы.

Минувшие века сохранили для нас память лишь о великом пророке, который сумел сплотить народ и дать ему Закон, но столетия сгладили личность Мезу, который, будучи еще молодым, красивым и любящим, горько оплакивал потерю своей покровительницы.

Я ласково погладила его склоненную голову. Он выпрямился и, глядя на меня с отчаянием, прошептал:

– Что за странная тайна заключается в том, что ты, гордая царевна, так полюбила сына презренного народа? – Хоть Мезу и называл меня матушкой, но не знал, что я действительно его мать, а не просто добрая покровительница, которая воспитывает его с четырехлетнего возраста. Мой брат Рамзес, хоть и был посвящен в мою тайну, никогда не позволял, чтобы она стала достоянием всего двора.

Вот почему Мезу теперь вопрошал меня, и в эту минуту взгляд моего сына, обычно мрачный и суровый, остановил-

ся на мне с тем же кротким и ласковым выражением, каким всегда светились глаза Итамара.

Мое сердце смягчилось. Привлекая сына к себе, я прошептала в ответ:

– Ты узнаешь всё. Перед смертью я хочу открыть тебе тайну горестного прошлого, которое нас связывает, но сначала перенеси меня ближе к перилам, здесь я задыхаюсь.

Он поднял меня своими сильными руками и отнес на грудь подушек, лежавших у самого края плоской кровли. Между тем на меня напала такая слабость, что я, опустившись на подушки, долго не могла произнести ни слова. Мезу понял мой немой знак и никого не звал.

Скоро совсем стемнело. Луна залила всё своим серебристым светом, когда я собралась с силами и прошептала:

– Посмотри на сад, Мезу. Видишь мраморную скамью в беседке из акаций? Много лет тому назад возле скамьи стоял мужчина, такой же высокий и красивый, как ты, и, глядя на наш дворец, мечтал о жившей в нем женщине, как вдруг перед ним явилась та, которую он любил. Он упал к ее ногам и целовал ее одежду, а она, позабыв обо всем, кроме своей любви, отдалась ему. Этим человеком был твой отец, еврей Итамар, а женщиной – Термутис, дочь фараона.

Мезу слушал меня с напряженным вниманием.

– Ты – моя мать? И ты не покинула меня – недостойное дитя, пятно на твоём знатном имени? Где же мой отец? Ты, не покинувшая ребенка, не могла отвергнуть любимого че-

ловека. Скажи мне, где он. Если он бежал из страны, тогда я найду его и приведу к твоему смертному одру, чтобы ты взглянула на него в последний раз. Не бойся за свою тайну, я умею молчать.

– Возлюбленное мое дитя, – отвечала я, целуя сына в лоб, – совсем скоро мне станет возможно снова увидеть твоего отца там, где царит полное равенство, где все созданы Озирисом из одинаковых лучей его благости. Я без стыда смогу встретиться с душой Итамара, потому что оберегала тебя, любила и воспитывала. Тебя, дитя нашей любви, я оставляю в этом мире, богатого и сильного. Всё, что я могла дать тебе, кроме материнской любви, ты получил. Что же касается твоего отца, то он убит кинжалом: рука мстителя смыла в его крови честь фараона.

– А, – прошептал Мезу, бледнея, – значит, правда, что один из членов нашей семьи, имени которого никто никогда не произносит, умер насильственной смертью? И тот, чье имя изглажено, это мой отец? Умоляю тебя, мать и благодетельница, расскажи мне всё в эту торжественную минуту.

Он наклонился надо мною, и я тихим голосом всё рассказала.

– Ты родился возле трупа своего отца, – сказала я в заключение, – но если ты любишь меня, то никогда не станешь искать убийцу, который стал лишь орудием царской воли.

Я не хотела, чтобы мой сын убил Шенефреса, если бы случайно узнал истину, и заметила лихорадочное волнение, с

которым Мезу меня слушал.

Вдруг он выпрямился во весь рост и поднял к небу сжатые кулаки.

– Я отомщу за тебя, услышь эту клятву, дух отца моего! Я разобью ярмо, гнетущее наш несчастный народ. Я буду бороться и дам евреям свободу. Пот от рабского труда перестанет течь с чела моих братьев, орошая землю рабства. Никто больше не покраснеет от стыда, пожимая им руку, и настанет время, когда все низко склонятся перед этим презируемым народом. Этот народ будет править миром! Такова окажется моя месть за перенесенные вами страдания, несчастные родители! Так сбудется предсказание о моем будущем! Я заселю пустыню, сплотив великий народ, и умру, высоко стоя над смертными на престоле Израиля, повелевая с мудростью и милосердием.

Я слушала его в волнении и страхе. Вдруг луч восходящего солнца озарил плоскую кровлю и осветил розовым ореолом бледное, прекрасное лицо Мезу и его возведенные к небу сверкающие глаза, в которых отражался океан чувств. Я вздрогнула. Неужели Ра, который приветствовал его рождение, услышал и освятил эту страшную клятву? Но размышлять об этом я не могла: слишком много волновалась в эту ночь и лишилась сознания.

Когда я очнулась, то увидела, что нахожусь в своей спальне, Шенефрес стоит в ногах моей кровати, а Мезу, прощаясь, поцеловал мою руку и вышел. Это была моя последняя

встреча с сыном при моей жизни. С того дня я начала чахнуть и, не вставая с постели, с часу на час ждала своего освобождения.

* * *

Однажды вечером, когда я снова лежала на плоской кровле, холодок беспокойства, мучившего меня с утра, превратился в мороз, сковавший всё мое тело. Всё вокруг кружилось, будто освещенное пламенем пожара, а затем меня ошеломила догадка. «Я восхожу к Ра», – подумала я. Затем всё внутри сжалось: «Нет, я иду на суд, а страшные безжалостные судьи царства теней будут взвешивать на весах мое сердце и разбирать мои земные дела».

В эту минуту передо мной явилось сияющее существо. Его спокойный величественный вид выражал благодушие.

– Дух Термутис, – молвил божий посланник, – прежде чем идти на суд, ты отправишься к своему сыну. Храни его, покровительствуй ему, пусть твоя любовь поддерживает его и поможет восторжествовать над самим собой, ибо велико его испытание. Такова теперь твоя земная миссия.

Верной тенью я сопровождала сына в битвах, оказавшихся для него неудачными. Он терпел поражения, а при дворе фараона завистники приписали это не трудным обстоятельствам, а злонамеренной воле выскочки-еврея, достигшего незаслуженного величия и стремившегося своим проиг-

рышем навредить Египту.

Когда Мезу вернулся домой, царь выразил серьезное недовольство, на что мой сын ответил холодным безразличием, а я с грустью наблюдала, как мрачное озлобление наполняло душу неудачливого полководца. Мезу чувствовал, что его едва терпят во дворце, где он должен был блистать, и жажда мести всему Египту и Рамзессидам смешалась с непомерным честолюбием.

Не имея возможности завладеть венцом фараонов, мой сын решил стать царем презренного, но многочисленного народа, к которому принадлежал его отец. Он мечтал посягнуть и покарать египтян, забывая, чья кровь течет в его жилах. Мезу ухватился за эту мысль, посвящая ей все силы своего гения, все свои познания, но был одинок, и чем чаще сталкивался с еврейским народом, тем более находил его подлым, трусливым, коварным и вероломным. Другой бы на месте этого железного человека отчаялся и махнул на всё рукой. Он же ожесточился и решил, что страхом и неумолимой жестокостью воспитает воинственное племя и вдохнет в него мужество.

Для того чтобы находиться ближе к центру важных событий, происходящих в Египте, Мезу отправился в Танис, в имение, завещанное ему мной. Шенефрес, уже сильно постаревший, жил там после моей смерти, но мой муж и мой сын, питая друг к другу глубокую неприязнь, редко виделись.

Однажды Мезу, любивший те места, где я жила, захотел

прогуляться по дворцовым садам в одиночку. Он шел через виноградник, где работники-евреи собирали виноград под наблюдением надсмотрщиков. В отдалении был замечен еврей, пытавшийся взвалить себе на спину тяжелую корзину, и надсмотрщик, который, злясь за медлительность работника, осыпал его ударами.

При виде этого кровь бросилась в голову моего сына, и без того горячую. Он поднял тяжелую палку и так ударил египтянина по макушке, что тот мертвым упал на землю. Спустя мгновение Мезу опомнился и сбросил труп в находившийся неподалеку ров, прикрыв землей и сухими листьями.

В ту минуту на место происшествия явился Шенефрес. Мезу, сложив руки, ждал приближения врага, а рабочий-еврей притворился, что нагружает корзину.

Мой муж подошел и, взглядом указывая на лужу крови на песке, спросил строгим голосом:

– Что это значит, еврей, где твой надсмотрщик?

Испугавшись грозного вида господина, еврей бросился к его ногам и, указывая на Мезу, воскликнул:

– Это он убил, видя, как надсмотрщик колотил меня. Но я заслуживал, чтобы меня били, и никогда не осмелился бы поднять руку на моего доброго и благородного надзирателя. Пощади, я невиновен и не знаю, зачем вмешался этот чужой господин.

Мезу отступил назад, словно ему был нанесен удар прямо в грудь. Затем с пылающим лицом он сделал шаг к Шенеф-

ресу.

– Да, – сказал он, – я убил.

– Долой с глаз моих, жалкая тварь, – произнес египтянин с отвращением, и работник исчез, как тень.

– Вот каков народ, который ты хочешь освободить, – с иронией сказал Шенефрес. – Безумный, я давно слежу за тобой и только в память о той, которая была мне дорога и которая по слабости своей открыла тебе тайну твоего происхождения, не иду к фараону, не доношу ему об изменнике, собирающемся возмутить подданных, чтобы создать себе царство. Ты знаешь, как закон карает убийство египтянина евреем? Иди домой, нагружай верблюдов самым дорогим для тебя и спасайся. Пусть нога твоя никогда не ступит на землю Кеми¹⁷! Вне страны есть дикие народы, которых ты можешь победить и просветить, поэтому не отчаивайся – там ты сможешь носить венец власти, о которой мечтаешь. А теперь уходи, чтобы глаза мои тебя не видели. Твое бегство я объясню убийством египтянина, за которое ты сложил бы голову на плахе.

Шенефрес замолчал и, презрительно взглянув на врага, наконец побежденного, отвернулся и исчез, а Мезу с пылающей головой, с сердцем, кипящим яростью, поспешно вернулся домой. Не теряя ни минуты, он приказал навьючить на нескольких верблюдов свои соковища и с наступлением ночи покинул Танис в сопровождении немногочисленных слуг.

¹⁷ Кеми – одно из названий Древнего Египта.

Луна освещала путь небольшого каравана, а верхом на одном из верблюдов сидел мрачный и молчаливый Мезу. Отъехав на некоторое расстояние, он остановился и долго смотрел на огромный город, расстилавшийся вдали со своими дворцами, садами и огромными храмами на необозримом пространстве. Нил извивался, сверкая, как широкая хрустальная лента, а в серебристых струях отражались темные пальмовые рощи, раскинувшиеся по берегам.

Удрученный, Мезу не мог оторваться от грандиозного зрелища: каждая подробность отпечатывалась в истерзанном уме изгнанника... Мой сын должен был покинуть место своего рождения, Египетскую землю, деятельную и богатую, полную величия и древних знаний. Какой драгоценной сердцу показалась она ему в этот час! Но, скрежеща зубами, он подавил в себе все чувства и угрожающе прошептал:

– Я вернусь, и тогда Египет и фараон заплатят мне за эти страдания.

В первые дни пути, несмотря на мрачные мысли, пришлось всерьез задуматься о конечной цели путешествия, но деятельный ум вскоре определил, куда следует направиться.

Мезу вспомнил об одном старике, которого встретил в Фивах и приютил у себя. Человек рассказывал о далекой волшебной стране, колыбели науки и законодательства Египта.

Он был там жрецом, но за какой-то проступок оказался вынужден бежать и после долгих странствий прибыл в Фивы. В той богатой и плодородной стране, в храмах более древних, чем египетские, хранились древние, как мир, свитки, содержащие великую мудрость и раскрывающие тайны бытия.

Мезу решил идти в далекую Индию: там он найдет высшее знание, которое даст ему оружие, чтобы восторжествовать над фараоном, освободить и сплотить евреев.

* * *

Не стану вдаваться в подробности этого долгого и опасного путешествия, где многое зависело от превратностей судьбы. Скажу только, что Мезу достиг Индии и в одном старом брамине¹⁸ нашел друга, учителя и советника.

Будучи невидимой, но верной спутницей любимого существа, я видела, как Мезу отдался науке со всем пылом своего характера, внимательно слушая и тщательно записывая всё, что переводил ему из древних Вед¹⁹ благосклонный наставник относительно происхождения мира и вселенной. Часто беседовали они в уединенном, окруженном роскошной растительностью жилище ученого.

¹⁸ Брамин – жрец, человек, принадлежащий к высшей жреческой касте в Индии.

¹⁹ Веды – сборник самых древних священных писаний индуизма, написанный на санскрите.

Мезу рассказал ему обо всем: о своем прошлом, о жизни, о планах отмщения, а индус, волосы и борода которого были седые, но глаза сохранили задорный блеск юности, давал ему советы, учил, передавал глубокие познания и опыт.

Однажды старец сказал:

– Сын мой, ты хочешь основать государство, освободить своих угнетенных братьев и сплотить их в народ, который повиновался бы твоей воле и исполнял твои веления? Чтобы достигнуть цели, ты должен дать им законы, которые годились бы для них, так как каждый народ, равно как каждый человек, нуждается в правилах, приспособленных к его душе. Египтяне сильны, мудры, дисциплинированы, а евреи трусливы, невежественны и огрубели от рабства. Но как у тех, так и у других мозг согрет жгучим солнцем, и все они боятся того, чего не понимают. Поэтому если ты сумеешь воспользоваться неизвестными им силами природы, то получишь возможность заставить египтян страхом возвратиться свободу твоему народу, а евреев следовать за тобой, полагаться на таинственную и страшную силу своего вождя...

Мезу прервал его:

– Научишь ли ты меня, как пользоваться этими силами, посветишь ли в неизвестные тайны?

– Такова воля невидимых, – ответил старый мудрец.

Часто повторялись подобные беседы, и мало-помалу созрел грандиозный план, как освободить еврейский народ и поразить египтян. Мезу учился пользоваться силами при-

роды и был посвящен в их тайны.

В таком состоянии покинул он Индию и поселился в пустыне, обдумывая и готовя план, который выполнил, вырвав свой народ из-под египетской власти ценою тысяч жертв. Как Мезу это сделал, хорошо известно, и мне нечего добавить к тем рассказам. Ни к чему повторять и историю о том, как Мезу увел освобожденных им людей в пустыню.

Так Мезу стал правителем над еврейским народом, пусть даже без венца и без трона. Однако для упрочения своей власти моему сыну надо было обладать душами, а этого он мог достичь, только наводя страх и ужас. Вот почему Мезу выставил себя прямым посредником между Иеговой и избранным народом: устами Мезу Предвечный раздавал милости и карал, его руками управлял силами природы.

Увы, несмотря на эту силу и свое знание, мой сын оказывался бессильным перед неизменными законами природы, перед зноем, болезнями, лишениями народа, который, будучи исторгнут из обычной среды, бродил изнуренный под жгучими лучами солнца пустыни. Мезу понимал, что ему надо завоевать удобную и плодородную землю, поселить там народ и воздвигнуть собственный престол.

Во главе опытного, дисциплинированного египетского войска это было бы легко, но здесь он повелевал не солдатами, а тысячами ленивых, трусливых, вечно недовольных рабов. И с яростью в душе понял, что столь искусно задуманное предприятие рискует погибнуть. Поэтому он решил раз-

редить старое поколение «по повелению Иеговы» и обагрил еврейской кровью песок пустыни, подобно тому как усеял трупами землю Египетскую...

Глубокий мрак воцарялся в великой и благородной, но ослепленной человеческими страстями душе.

* * *

Мезу составил великий свод нравственных и общественных законов, которые «несокрушимый народ», несмотря на многовековые превратности, будучи рассеян между всеми народами земли, все же сохранил как памятник его гения.

Однако Мезу было дано властвовать лишь силой страха и карать непокорных во имя Иеговы. Постоянная ложь относительно сношений с божеством стала терзанием для моего сына, ибо он всей душой верил в Великого Творца вселенной. Вопль души Мезу сохранился в древней еврейской летописи, где сказано, что Предвечный, в гневе на неповиновение моего сына (который в летописи назван Моисеем), осудил «своего посланного» видеть землю обетованную, но не вступать в нее.

Не менее страдали гордость и честолюбие Мезу. Какова должна была быть радость египтян при известии, что дерзкий еврей всё еще скитается в пустыне, без родины и пристанища! Желанному престолу негде было утвердиться, и он терялся в туманном будущем.

Жертвывая силами, здоровьем и способностями, Мезу в поте лица сеял то, что суждено было пожать Давиду и Соломону²⁰. В течение долгих лет этого труда и борьбы износилось брэнное тело. Мезу старел, вечность стучалась в дверь его земной оболочки, являющейся временным домом души, и он жаждал открыть эту дверь – жаждал смерти как избавления.

Чувствуя приближение смерти, он собрал весь народ и простился с ним. Мой сын хотел быть один во время кончины, но свою смерть ему хотелось окружить тайной, заставить думать, что Иегова²¹ соединил его с собой.

Запретив кому бы то ни было идти следом, мой сын один взошел на гору и, дойдя до вершины, остановился в утомлении. Сложив руки на своей широкой груди, Мезу окинул взглядом обширные земли, расстилавшиеся перед ним под лучами заходящего солнца. Это было великолепное зрелище. На мгновение строгий взор его остановился на евреях, находившихся на равнине у подножия горы, и Мезу прислушался к разнообразным звукам стана, глухим ропотом доносившимся к вершине.

С глубоким вздохом отвел он взор свой от этой картины и вспомнил, что живет уже очень долго. Годы покрыли морщинами его чело и убелили его густые волосы. Он был со-

²⁰ Давид – второй царь народа Израиля. Соломон – третий царь народа Израиля, сын Давида.

²¹ Иегова – имя Бога в иудаизме и в книгах Библии, составляющих Ветхий Завет.

всем не похож на того молодого человека, который, стоя на плоской кровле в Танисе, со сверкающим взором поднимал руки к восходящему солнцу и клялся освободить свой народ, создать себе царство. Горькая усмешка скользнула по губам моего сына, и он прошептал:

– Ты верно предсказало мне судьбу, о светило, которому поклонялась мать моя. Человек, ослепленный честолюбием, объясняет предсказания согласно своим тщеславным устремлениям, а между тем было сказано довольно ясно, что я населю пустыню, что кровь жертв обогрит песок равнин и что я умру один, высоко-высоко... Разве гора эта – не престол, воздвигнутый Всемогущим?..

Он лег на землю и, прислонясь к скале, закрыл глаза. Тогда перед его духовным взором как бы в грезе пронеслась вся его жизнь: его радостное детство во дворцах великолепных Фив, его беззаботная юность в школе дома Сети, где он приобрел познания, которые помогли ему впоследствии совершить так много зла.

Мезу вспомнил дорогих ему людей. И не только меня. Где были теперь его школьные учителя? А где товарищи его игр и занятий? Увы! Многие погибли во время бедствий, ознаменовавших исход евреев из Египта. Даже приемная мать Мезу исчезла во тьме прошлого, как тень, а вместе с ней как будто исчез его ангел-хранитель.

Затем Мезу вспомнил тех, кого ненавидел, а также годы несчастий и испытаний. Ему представилось изгнание, его по-

спешное бегство из Таниса, Индия, волшебная страна, но от туда его изгнало честолюбие. Затем было возвращение в Египет, борьба с сыном Рамзеса, фараоном Мернефтой.

В этих воспоминаниях моему сыну пришлось снова с тяжелым чувством присутствовать при гибели фараона и его армии, которые утонули в морских водах, а затем и при избиениях еврейских мятежников.

Я следила за Мезу со страхом и любовью, как в то время, когда лучи утренней зари освещали час его рождения. Тогда он вступал в земной мир, где его ждали испытания и искушения. Теперь же он вступал в мир духов, где должен был дать отчет за свои поступки.

Поднимался вечерний туман, заволакивая серой завесой вершину горы. Мезу тяжело дышал, глаза были широко раскрыты, духовный взор его, обостренный приближением разлуки с жизнью, различал в беловатой дымке толпу прозрачных существ, во главе которых находилась я. Со стороны долины поднималась черноватая, как грозовое облако, масса других существ. Он вздрогнул, с трудом преклонив колени, вознес к небу некогда сильные руки, и пламенная, тревожная мольба излилась из его сердца:

– Бесконечно могущественный и великий Создатель и Руководитель вселенной! Прости мне, что для личной моей пользы я прикрывался Твоим именем и Твоей волей, не отвергай меня, услышь мою молитву.

Но темная масса приближалась, подобно бурному морю

окружая его своими волнами, и среди тысяч составлявших ее существ он внезапно увидел фараона Мернефту и его воинов, покрытых водорослями и илом. Не меньшую группу составляли египтяне – жертвы истребления египетских первенцев и их близкие.

«Верни мне мою загубленную жизнь. Верни мне возможность достойного погребения, подобающего фараону, – шептали бледные губы Мернефты, а глаза его горели. – Но если не можешь, то хотя бы покажи мне пославшего тебя Иегову!»

«Отдай нам наших детей», – говорили другие.

Меж тем на моего сына уже надвигалась новая, отвратительная, покрытая кровью толпа: «Значит, ты для того обманул нас и заманил в пустыню, чтобы безнаказанно убивать? Где тот Иегова, который приказал тебе это?»

Злобные тени толпились около него, наклоня к нему свои искаженные лица, удушая его своим зловонным дыханием, а мистический венец Верхнего и Нижнего Египта, украшавший призрачную голову Мернефты, колебался, как бы опускался над ним и давил его грудь, словно гора.

Мезу лег на землю с глухим стоном и положил голову на лежавший вблизи камень – последнее изголовье первого из царей израильских. Всё тело покрылось холодным потом, и мой сын был один: ничья сострадательная рука не отерла лоб его, ни одна капля воды не освежила его запекшиеся уста.

– О Иегова! – прошептал умирающий. – Облегчи груз, отягощающий мою душу, и прости мои заблуждения. Я все-

гда провозглашал твое величие и мудрость, во имя твое я проповедовал добро и порицал зло. Суди же меня по милости твоей.

Такая же горячая мольба излилась из моего материнского сердца – мольба за того, кто, увлекшись земными страстями, сказал от имени Предвечного: «Око за око, зуб за зуб», но в минуту агонии отвергал это правило по отношению к самому себе.

Трудным оказалось вступление в загробную жизнь для этого могучего духа. Осажденный мстительными тенями своих врагов, он жестоко страдал, как вдруг из глубины бесконечного пространства раздался громopodobный призыв:

– Дух, прикрывавший себя именем Предвечного, приди дать отчет в делах твоих!

Часть вторая

Рассказ Пинехаса, ученика богини Изиды

Я родился в Танисе, в скромном деревянном доме моей матери, египтянки Кермозы. Отца моего я совсем не помнил: мать овдовела, когда я был еще грудным ребенком.

Рос я в одиночестве, предоставленный самому себе. Старая негритянка, которая считалась моей няней, была постоянно занята – так же, как и прочие слуги, – а о моем существовании вспоминали только во время обеда или ужина.

Я не любил своей матери. Ее вздорный и вспыльчивый характер внушал мне страх и отвращение.

Она почти целый день проводила в большой комнате, где стряпали кушанье, окруженная служанками, которые должны были рассказывать ей сплетни целого квартала. Но это доброе согласие госпожи с прислужницами часто нарушалось бурными сценами: по ничтожной причине она приходила в ярость, кричала, с пеной у рта топала ногами, била посуду, и удары сыпались даже на меня, если я случайно подворачивался под руку.

Испуганный и возмущенный, я убегал тогда в обширный сад, который окружал наше жилище. Мало-помалу он стал моим любимым убежищем. Этот сад, некогда прекрасный,

был теперь заброшен и запущен, но природа благословенной страны не переставала расточать ему свои дары: цветы и фрукты водились там в изобилии.

Лежа на траве в тени жасминных или розовых кустов, я проводил целые часы в мечтах и наблюдениях. Я следил за неутомимой деятельностью муравьев и птиц, строивших свои жилища, или прислушивался к резким крикам носильщиков воды и продавцов фруктов на улице, которая тянулась за каменной оградой нашего сада. Мало-помалу у меня возникла мысль, что все существа, люди и животные, чем-нибудь да были заняты, за исключением меня одного, и, раздумывая об этом, я почувствовал невообразимую пустоту и скуку. Эта праздная жизнь с каждым днем стала мне казаться невыносимее, и наконец в одно утро (мне было тогда четырнадцать лет) я пришел к матери и сказал:

– Когда я бываю в саду, то вижу вокруг себя непрерывную работу: муравьи волокут свои яйца, птицы выют гнезда, на улице люди продают, покупают, бегают по своим делам. Один я никуда не выхожу, ничего не делаю и умираю от скуки. Дай мне, пожалуйста, какое-нибудь занятие.

При этом неожиданном заявлении мать до того удивилась, что расхохоталась до слез.

– Как ты рассмешил меня, Пинехас, – сказала она наконец, утирая глаза. – Чего тебе недостает, безмозглый мальчишка? Ешь досыта, спишь сколько хочешь, играешь. Благодарю богов, что они дали тебе мать, которая так хорошо уме-

ет управлять делами, что никогда не нуждалась в помощи и поддержке мужчины. Но если уж тебе так хочется делать что-нибудь, на, возьми эту корзинку с гороховыми стручками и вылуци их.

Я взял корзинку и сел с нею в угол. Но в то время, как пальцы мои лутили горох, мысль улетала далеко.

Я вспомнил праздник Озириса, на котором мы были в прошлом году. Какой гордый и величественный вид имели жрецы! Как все преклонялись перед ними, называя мудрецами и посвященными! Однажды жрец-медик пришел к моей матери во время ее болезни. Он прочитал что-то написанное в свитке папируса, потом назначил лекарство, и она выздоровела. Стоило бы научиться тому, что знают жрецы, а не горох лущить.

С досадой швырнул я корзину и убежал в сад, неизменное место моих размышлений. Грустный и недовольный, бросился на каменную скамью в тени акаций, у самой ограды.

Не знаю, сколько времени я просидел там, как вдруг какой-то внезапный шум заставил меня вздрогнуть. Осмотревшись, я с удивлением увидел, что в садовой стене открылась маленькая дверь, так искусно замаскированная, что до той поры я вовсе не замечал ее, и что в пролете ее стоит человек высокого роста, очень внимательно глядя на меня. Незнакомец был одет в длинную льняную тунику и темный плащ. Орлиный нос, желтоватая кожа и курчавые волосы обличали

в нем семитское²² происхождение, а черные глаза, выражавшие энергию и хитрость, ярко блестели из-под густых бровей.

– Пинехас, – воскликнул он, схватив меня в объятия и целуя, усадил опять на скамью и прибавил, смеясь: – Не удивляйся, мальчик, что я знаю твое имя, я – старый друг. Но скажи мне, пожалуйста, что ты здесь один делаешь и отчего у тебя такой грустный вид.

Я смотрел на него с недоверием, но горькие чувства, переполнявшие мою душу, взяли верх над осторожностью, и я ответил:

– Мне скучно, потому что я никогда ничего не делаю. Я хотел бы учиться, сделаться мудрым, как жрецы, уметь изготавливать лекарства, как тот врач, который лечил мать... А она смеется надо мной и дает мне лущить горох.

Лицо незнакомца просияло.

– Ты хочешь стать мудрецом, хочешь знать науку о звездах и свойствах растений, проникнуть в таинства, которые преподают в храмах? Будь покоен, Пинехас, твое желание исполнится, ты научишься всему этому. Но теперь беги и приведи сюда Кермозу, только ничего не говори ей обо мне.

Я побежал в дом и позвал мать, которая последовала за мной.

²² Семитское – здесь: еврейское. Евреи, согласно преданию, вели свой род от Сима, старшего сына Ноя. Сим вместе с Ноем спасся в ковчеге во время Всемирного потопа. Потомков Сима называли «семиты».

Увидев незнакомца, она так громко вскрикнула от радости, что я отскочил в испуге.

– Энох! – воскликнула она, бросаясь к нему на шею. – Наконец-то ты вернулся! Где ты был так долго и зачем меня бросил? Смотри, вот Пинехас.

– Да, – отвечал Энох, – мы уже с ним познакомились... Но ты совсем не позаботилась о его воспитании, Кермоза, мальчику необходимо учиться. На днях я представлю его Аменюфису, который должен быть у меня в гостях. Что касается до моих путешествий, то сначала я побывал в далеких странах, что лежат за пустыней, и не без выгоды для себя. Теперь же я приехал прямо из Мемфиса, где прожил несколько лет у старого увечного дяди, который, умирая, завещал мне значительное состояние. И вот я вернулся в Танис, и мы можем теперь часто видеться.

Кермоза слушала его, вся сияющая. Затем они отослали меня со строгим приказанием молчать. Я ушел, а наступившей ночью я не мог сомкнуть глаз: нетерпение видеть человека, который должен был научить меня стольким вещам, возбуждало во мне лихорадочное волнение. Однако прошло несколько дней, а в доме у нас всё оставалось по-старому.

* * *

Наконец, как-то после обеда, мать позвала меня в свою комнату и принялась наряжать с особенным старанием. Я

должен был надеть новую белую тунику, золотой пояс, широкое ожерелье на шею и египетскую шапочку.

– Глядя на тебя, никто не усомнится, что ты сын знатных родителей, – сказала она. – Я нарядила тебя так, чтобы ты произвел хорошее впечатление на Аменофиса, который одно время тоже вздыхал по красавице Кермозе... Это могущественный жрец, но помни: жрецы почитают и любят лишь всё блестящее. Теперь, сын мой, – прибавила она, подавая мне плащ, – ступай в сад и жди Эноха у потайной двери.

Ждать мне пришлось долго. Уже стемнело, когда наконец отворилась потайная дверь и Энох спросил вполголоса:

– Пинехас, ты здесь?

– Здесь, – отвечал я, быстро вставая с места.

Он схватил меня за руку и повлек за собою.

Пройдя обширный сад, а затем маленький дворик, мы вышли на какую-то улицу, мне незнакомую. Энох проворно шел вперед, храня ненарушимое молчание, я следовал за ним, стараясь не отставать, и таким образом мы долго странствовали по различным улицам, пока наконец не приблизились к одним из городских ворот. Выходя из них, я увидел черного невольника, который стерег колесницу, запряженную парой лошадей.

Энох направился прямо к ней, взял вожжи и приказал мне стать с ним рядом. Лошади помчались, и через некоторое время мы остановились на окраине одного из предместий, перед домом жалкого вида.

Дом этот был окружен садом и очень высокой каменной оградой.

Соскочив с колесницы, Энох постучал в ворота, которые немедленно открылись, и экипаж въехал в пустынный двор, освещенный факелом. Я спустился на землю и вслед за своим проводником вошел в дом, массивная дверь которого тотчас же захлопнулась за нами.

К моему удивлению, это жилище было бедно и непривлекательно внешне настолько же, насколько богато и изящно внутри. Мы прошли через несколько комнат, затем – через открытую галерею, выходящую в сад, и остановились в ярко освещенной зале, очевидно, приготовленной для приема гостей.

Посреди стоял стол, окруженный сиденьями из слоновой кости. На столе – корзины с фруктами, золотая чаша и маленькая амфора. Стены зала были покрыты роскошными яркими барельефами.

В восхищении я остановился перед одной из картин, на которой был изображен человек, сидящий на троне и увенчанный царской короной. Перед ним стоял другой, простирающий руки к небу. Второй барельеф изображал улицу, наполненную множеством народа. Толпа приветствовала радостными кликами человека, стоящего на колеснице, перед которой бежал глашатай и музыканты с длинными трубами.

– Чье это изображение? – спросил я Эноха.

– Эти картины представляют историю великого человека

по имени Иосэф, который некогда был благодетелем еврейского народа, очень несчастного и угнетенного в настоящее время. Я надеюсь, Пинехас, что со временем ты оценишь и полюбишь этот народ. Побудь здесь, а я должен пойти посмотреть, не приехал ли мой ожидаемый гость.

Прошло около часа, прежде чем появился Энох в сопровождении жреца – человека высокого роста, в белой одежде с зеленой бахромой. Его приятное лицо было серьезно и задумчиво, а пронизательные глаза светились живым и глубоким умом. Это оказался жрец Аменофис.

– Вот Пинехас, о котором я говорил тебе, – сказал Энох, указывая на меня.

Аменофис подошел, взял меня за подбородок и с улыбкой посмотрел мне в лицо.

– Ты сын Кермозы, – начал он, – и желаешь обучаться наукам? Это похвально, дитя мое. Но захочешь ли ты расстаться с матерью, ехать со мной в Фивы и жить в храме под моим неусыпным и строгим надзором?

– Если ты обещаешь научить меня всему, что знают жрецы, то я последую за тобой всюду и буду повиноваться тебе, как раб, – отвечал я с пылающим взором.

– Прекрасно. Будь только тверд в этом решении, и желание твое исполнится, – сказал Аменофис, садясь и протягивая чашу Эноху, который наполнил ее вином.

По приглашению жреца мы также сели, и друзья завели между собой продолжительный разговор на неизвестном

мне языке. Наконец Аменофис встал, и мы перешли на террасу, выходящую в сад.

Ночь была великолепна, воздух наполнился благоуханием акаций, роз и жасминов.

Жрец облокотился на балюстраду и устремил взор на небо, усеянное множеством ярко сияющих звезд.

– Пинехас, что ты думаешь об этих блестящих точках? Что они такое и зачем находятся там?

Я промолчал, потому что боялся повторить сомнительное объяснение, данное матерью по этому поводу.

– Эти блестящие точки, сын мой, – продолжал Аменофис, – небесные светила и властители наших судеб. Со временем ты научишься распознавать неизменный путь, по которому они следуют, и узнаешь, что счастье и несчастья людей зависят от передвижения звезд. Если счастливая звезда изольет на тебя свой благодетельный свет, ты будешь счастлив.

Я с трепетом слушал, готов был расспрашивать всю ночь, мой ум, жаждавший знаний, начинал пробуждаться, но Аменофис прервал меня, сказав:

– Терпение, всё придет в свое время. Энох, привезешь ко мне мальчика через неделю. Я беру на себя его воспитание.

* * *

В назначенный день мой покровитель увез меня в Фивы

и поместил в великий храм Амона, где воспитывалось много других юношей, сыновей жрецов и воинов. Аменофис заметно интересовался моими успехами и помогал мне развивать мои способности.

Я занимался с упорством и прилежанием. В особенности меня привлекали астрология и магия: погружаясь в них, я забывал весь мир. Позже я также стал изучать медицину.

Мой ненасытный ум стремился получить как можно больше знаний. Когда у меня получалось разобрать древний индусский папирус, где говорилось о свойствах какого-либо растения, я с радостью и гордостью говорил себе, что всё это только начало и что впереди целая жизнь и новые научные открытия.

Увлеченный учебой, я мало интересовался обществом своих товарищей и не сходил с ними близко. Однако двое из них внушили мне некоторое расположение.

Один, по имени Нехо, добрый веселый мальчик, охотно делил со мной лакомства, которые в изобилии привозил из дома. Другой, Мена, годом старше меня, был сыном очень богатого вельможи, занимавшего высокий пост при дворе фараона. Мена оставил училище задолго до окончания мной курса, но иногда приходил туда навещать своих друзей, молодых жрецов.

Эта жизнь, полная энергичной умственной деятельности, но тихая и однообразная с внешней стороны, продолжалась двенадцать лет. Затем наступило время возвратиться в Та-

нис.

И вот за несколько дней до моего отъезда мы с Аменофисом сидели на самой высокой из храмовых террас. Сначала мы беседовали обо всем понемногу, а затем наступило молчание. Жрец поднял глаза к небу и стал рассматривать звезды, сиявшие у нас над головой.

Мне живо представился вечер, когда я в первый раз увидел Аменофиса, и вспомнились его слова о влиянии небесных светил на судьбы людей.

– Аменофис, помнишь ли ты нашу первую встречу в Танисе, в загородном доме Эноха? Ты сказал мне тогда: «Если доброе влияние неуловимого звездного света изольется на тебя, ты будешь счастлив». С той поры я усердно изучал науку о небесных телах, а между тем многое в ней остается для меня необъяснимым. Я прочел по звездам, что жизнь готовит мне много разочарований. Однако я деятелен, получил большой запас знаний и обладаю силой воли, достаточной для того, чтобы достигать поставленных целей.

Аменофис после некоторого молчания вздохнул и ответил следующее:

– Сын мой, человеку не дано изведать все тайны, которыми божество окружило его, мы едва приподнимаем край завесы. К моим словам я прибавлю несколько соображений. Знаешь ли ты, Пинехас, что иногда говорят о святящихся звездах на небе? Что это миры, подобные нашему, на которых живут существа, похожие на людей. Эти существа наде-

лены всеми нашими чувствами, и судьбы их отражаются на наших судьбах. Ты знаешь, что вселенная наполнена неведомой первичной материей? Но в природе ничего не дается даром, повсюду царствует постоянный обмен веществ. Обмен этот производит трение частиц, а это порождает огонь, то есть теплоту, которая всё оживляет и поддерживает. Один и тот же закон управляет всем, что существует во вселенной, от самого малого до самого великого, каждый мир уравновешен другим миром, судьба каждого человека влияет на судьбу другого. Таким образом, счастье или несчастье наше есть продукт взаимодействия всех существующих явлений.

– Понимаю, – заметил я, – судьба моя зависит от судьбы другого, иногда совсем мне неизвестного человека, который составляет противовес моей личности: мы взаимно обмениваемся нашими токами и тем связаны друг с другом. Точно так же судьбы народов зависят от судеб других рас, живущих в одном из этих миров. Но это несправедливо, – продолжал я, – так же несправедливо, как тот гнусный, бессмысленный закон, по которому после смерти человека его душа должна искупать свои ошибки и преступления в теле какого-нибудь животного... Веришь ли ты этому учению, Аменофис? Неужели оно не противно твоему разуму?

На губах жреца показалась многозначительная улыбка.

– Ты слишком дерзок, Пинехас, называя несправедливым то, что боги находят справедливым и нужным... И почему этот закон искупления так тебя возмущает? Если ты призна-

ешь, что душа наша – огонь и что везде, где присутствует теплота и движение, есть умственная сила, то должен также признать, что все мы, люди и животные, созданы из одного и того же материала.

– Да, я признаю это. Но каким образом можно наказывать мою душу, с ее утонченными страстями, в теле животного? Каким образом человек, полный высоких устремлений, способный к самым тонким соображениям, один дар слова которого указывает на высшую ступень умственного развития, – каким образом человек, владыка немой твари, может быть низведен так низко, чтобы в образе зверя стать рабом себе подобных? Нет-нет, Аменофис, учение это – или безумие, или возмутительная несправедливость богов.

Прежнее загадочное выражение блеснуло в глубокомысленных глазах жреца, когда, выслушав мою горячую речь, он положил мне на плечо свою мягкую холеную руку.

– Пылкий юноша! Отчего ты не хочешь допустить, что в настоящее время ты человек лишь потому, что находишься в соответственной умственной среде и принадлежишь к числу наиболее просвещенных людей своего века. Но взгляни на диких пленников, приведенных из последнего похода нашим великим фараоном. Сравнивая их с собой, не испытываешь ли ты то же чувство собственного превосходства, с которым люди смотрят на животных? Подобно зверю этот пленник скован цепями, лишен свободы и даже может лишиться жизни по прихоти своего повелителя. Его бедный и болтливый

язык напоминает нестройные звуки звериного голоса, а между тем в своей среде тот же самый пленник был человеком уважаемым и свободным. В нашей же он только животное. Теперь посмотри на небо, полное великих тайн, многочисленных миров, неведомой нам жизни. Откуда тебе знать, не обитает ли на одном из этих лучезарных светил само божество или существа, весьма близкие к нему по своему совершенству? Представь же себе, что тебя перенесли в подобный мир, – какое положение займешь ты в этой сфере? Сравнительно с ее обитателями, ты покажешься так же ограничен, безгласен, неуклюж и некрасив, как животные сравнительно с нами, и, подобно им, будешь смотреть в глаза высшим существам, не понимая их действий и стараясь угадать, чего они от тебя требуют. Народ всё принимает буквально и действительно верит, что душа человека воплощается в теле животного для искупления своих грехов. Впрочем, такое верование полезно простым людям: оно смиряет их гордость. Человек страшится потерять свои преимущества и попасть в такую сферу жизни, в которой страсти его будут скованы, а немой язык не способен выражать лукавые мысли.

– А, понимаю, – прервал я, – если мы окажемся недостойны быть людьми на земле, то нам грозит опасность сделаться животными, но только в смысле перехода в такой мир, где по своим умственным способностям мы должны занять место низших существ... Но откуда ты знаешь всё это, Аменофис? Кто тебе это сказал?

– Сын мой, чтобы ответить на твой вопрос, я должен посвятить тебя в последнее и самое важное из наших таинств. Ты не принадлежишь к жреческой касте, но твоё рвение и любовь к науке заслуживают, чтобы для тебя сделали исключение из обычного правила. Итак, завтра вечером приходи ко мне, очистившись постом и молитвой.

* * *

На следующий день вечером, сильно взволнованный, я пришел к Аменофису. Он немедленно повел меня в обширную круглую залу, слабо освещенную лампадой, и, садясь со мной за стол, стоящий посередине комнаты, сказал с торжественною важностью:

– Пинехас, я хочу возвести тебя на последнюю ступень знания и окончательно просветить твой разум. Несмотря на массу сведений, приобретенных долгими годами постоянного труда, ты встречаешь еще тысячи неразрешимых для тебя вопросов и на всю жизнь останешься нищим духом, птицей с обрезанными крыльями, если не объяснишь себе причины многих вещей. Мы, люди, немощны и прикованы к земному веществу, наш ограниченный ум часто приходит в смущение перед фактами, которые познает без системы и порядка. Поэтому мы должны смириться, воздеть руки к небу и молить его даровать нам наставника, способного научить нас истине, свободного от человеческих заблуждений и плотских стра-

стей, обогащенного глубоким опытом безгрешного прошлого. Такого наставника я хочу дать тебе, сын мой.

В сильном волнении, трепеща от охватившего меня чувства суеверного страха, я слушал эти слова. Окончив свою речь, Аменофис положил руки на стол и приказал мне последовать его примеру, причем хранить глубокое молчание.

Некоторое время спустя он стал дышать тяжело и усиленно. Я поднял глаза и с изумлением увидел, что моим наставником овладел глубокий сон. Однако тело жреца не склонилось на столешницу, как у спящего, а продолжало сидеть прямо, как у человека бодрствующего.

В то же время вокруг него замелькали какие-то странные, мерцающие огоньки, глухие стуки раздавались в разных местах залы и на поверхности стола начало образовываться белое облачко. Оно расширялось, разливая вокруг мягкий серебристый свет, и в центре его явственно обозначились голова и плечи женщины под покрывалом, над челом которой сияла зеленоватая звезда с разноцветными лучами.

Женщина протянула из-под покрывала руку, светившуюся бледно-голубым сиянием, и начертала на столе огненными буквами: «Пинехас будет нашим учеником, если окажется того достоин, следуя наставлениям Изида²³ и воздерживаясь от увлечений земными страстями».

Вслед за тем видение стало бледнеть и рассеялось в воз-

²³ Изида – одна из значимых богинь Древнего Египта, идеал женственности и материнства. Жена бога Озириса, правителя загробного мира.

духе, а Аменофис проснулся с глубоким вздохом. Но испытанные впечатления были слишком для меня сильны: я весь дрожал, голова моя кружилась, и я лишился чувств.

Когда я пришел в себя, Аменофис увел меня в свою комнату, где дал мне все необходимые наставления и указания относительно виденного мной явления.

– Ты теперь ученик Изиды, – сказал он в заключение. – Когда перед тобой будет стоять какой-либо неразрешимый вопрос, сядь за круглый стол, как мы это сделали нынче, и положи на него таблички. Вскоре ты вступишь в глубокий сон, во время которого желаемый ответ будет написан на табличках. Но предупреждаю тебя, Пинехас: к этому средству можно обращаться только в самых важных и исключительных случаях. Злоупотребление им истощит твои телесные силы, и, кроме того, мы не смеем и не должны по всякому поводу вступать в непосредственное общение с божеством и с душами усопших, сохранившими все свои прежние способности благодаря нашему чудесному искусству мумификации, предохраняющему бранные тела от разложения.

* * *

Спустя три недели я вернулся в Танис и снова поселился в доме матери, Кермозы, которая очень обрадовалась моему возвращению и очень гордилась представительной наружностью и ученостью своего сына. Мне было тогда два-

дцать шесть лет.

Моя мать даже отвела мне небольшое помещение, выходящее в сад и отделенное галереей от главного жилья, чтобы я мог в тишине и покое предаваться своим ученым занятиям. Я осведомился об Энохе, который только два раза посетил меня в Фивах, но о котором я сохранил добрые воспоминания. Мать ответила, что он живет в Танисе, где купил дом, смежный с нашим, но в настоящее время в отъезде.

– Впрочем, ты скоро его увидишь, – прибавила она, – потому что на днях он должен возвратиться.

Первые дни по приезде я был занят раскладыванием и приведением в порядок своих многочисленных папирусов, пакетов с сушеными травами, мазей и других лекарств, привезенных из Фив. Наконец, однажды под вечер, устроившись окончательно и порядком утомившись, я прилег на кушетку немного отдохнуть, но вместо желанного сна мной овладело какое-то странное оцепенение.

Глаза мои невольно остановились на маленьком металлическом зеркале, которое висело на стене, и на блестящей поверхности я увидел слова, начертанные огненными буквами: «Ученик Изиды, будь верен египетской религии». Я хотел встать, хотел оторвать глаза от зеркала и не мог: мое оцепенение всё более и более усиливалось. Я продолжал лежать как камень и всё перечитывал таинственные слова, значение которых от меня ускользало.

Несколько сильных толчков вывели меня из этого состоя-

ния. Предо мной стояла мать и твердила в недоумении:

– Пинехас, Пинехас, что с тобой? О чем ты гредишь с открытыми глазами, неподвижный как статуя? Вставай скорее, и пойдём. Приехал Энох и хочет тебя видеть.

Я с трудом поднялся с кушетки и, умывшись холодной водой, последовал за Кермозой.

Мы вышли через потайную дверь в садовой стене и направились к дому, в котором до той поры я ни разу не был. С первого взгляда видно было, что дом этот, некогда нежилой и заброшенный, был обитаем. Во дворе и в саду снова-ло множество слуг – все евреи, и при встрече они кланялись нам. Моя богатая белая одежда и гордая осанка, очевидно, внушали им почтительный страх.

Один молодой еврей проводил нас в залу, где мы нашли Эноха, сидящего за столом, на котором были фрукты и амфора вина. При нашем появлении он быстро встал и заключил меня в объятия, а затем, усадив рядом с собой, принялся расспрашивать. Лицо его сияло живейшей радостью.

– Наконец ты с нами, Пинехас, взрослый, красивый и мудрый. Иегова да благословит тебя, милое дитя.

Я пожал ему руку и поблагодарил, что он дал мне возможность поступить в храм и учиться.

– Я охотно сделал бы для тебя и больше. Видишь ли, я – человек одинокий: был женат три раза, и все мои жены умерли, не оставив мне детей. Но у меня есть сын, в жилах которого еврейская кровь смешалась с кровью египтян, и ему-то

я хотел бы передать всё, что имею... Пинехас, ты не угадываешь, кто этот сын?

Жгучий взор Эноха заставил меня вздрогнуть, и от смутного тяжелого предчувствия сжалось сердце.

– Сын этот – ты, – продолжал еврей. – Я тебя люблю и надеюсь, что ты не откажешься быть преданным мне душой и телом.

Я поднялся с места, бледный от волнения. Наконец мне пришлось узнать, кто мой настоящий отец и что было причиной моего странного сходства с людьми семитского племени!

Бурные чувства боролись в моей душе: стыд и отвращение поднимались в ней при мысли о принадлежности к этому презренному народу, и в то же время алчность призывала это скрыть, чтобы не упустить богатства, связанного с этим родством, столь унижительным для гордого египтянина.

– Итак, сын мой, – торжественно спросил Энох, – хочешь ли ты тайно перейти в веру Израилеву и сделаться поклонником Иеговы, единого истинного Бога? Всё уже готово для принятия тебя в среду нашего народа и назначения наследником моих огромных богатств. Кроме того, мы хотим сочетать тебя браком с еврейской девицей и тем привязать к нам еще более тесными узами.

При этом предложении я отшатнулся, и в глазах у меня запрыгало металлическое зеркало с огненной надписью: «Ученик Изиды, будь верен египетской религии».

– Нет, – отвечал я с жаром, – я сделаю для тебя всё, кроме этого. Но ты – друг Аменофиса, ты, по-видимому, разделяешь его мнения. Почему же в таком случае моя вера тебе противна и ты требуешь, чтобы я изменил ей?

– Сын мой, – отвечал Энох, садясь, – именно потому, что я разделяю мнения Аменофиса, я не могу признавать множество богов и почитаю только Иегову, единого Бога, Творца и Промыслителя вселенной. Что же до дружбы, которой удостоил меня знаменитый жрец, то она началась уже давно, и в моем лице для него оживает дорогое прошлое. Я расскажу тебе эту историю, которая случилась за четыре года до твоего рождения, следовательно, тридцать лет тому назад.

Энох сделал паузу, а я опустил на сиденье возле стола и приготовился слушать.

– Аменофису было тогда двадцать четыре года, и, как сын одного из верховных жрецов, он жил на широкую ногу. Я же в то время был еще беден и проживал со своей единственной сестрой, Эсфирь, в окрестностях Мемфиса²⁴. Однажды вечером Аменофис возвращался в город, как вдруг лошади его чего-то испугались и понесли. Колесница опрокинулась, он упал неподалеку от нашего жилья и сильно ушиб себе голову. Мы с сестрой подобрали его, и Эсфирь ухаживала за ним с величайшим вниманием, пока он был в беспмятстве,

²⁴ Мемфис – древнеегипетский город, располагавшийся на границе Верхнего и Нижнего Египта, на западном берегу Нила. В отличие от других египетских городов, Мемфис издревле являлся местом, где проживало множество иноземцев: сирийцев, финикийцев, греков и евреев.

а это длилось довольно долго. Как только Аменофис пришел в себя, он назвал нам свое имя, и я немедленно известил обо всем его отца, который сильно о нем беспокоился. Последний наградил меня и приказал перенести сына в храм. Но чудесная красота Эсфири, а моя сестра была поистине прелестнейшая девушка из всех, которых я когда-либо видел, вскружила голову молодому жрецу: он начал тайно посещать нас. Их взаимная любовь была так сильна, что Аменофис не задумываясь женился бы на Эсфири, но его отец проведал об этих отношениях. Гордый верховный жрец страшно возмутился при мысли о возможности такого неравного брака и принял все меры, чтобы помешать ему. Нежданно-негаданно, как гром, свалилось на нас повеление фараона, вследствие которого Эсфирь была немедленно выдана замуж за одного молодого израильянина из нашего колена, а вся наша семья выслана в Танис. Когда Аменофис, которого на то время благоразумно удалили, узнал обо всем случившемся, то потерял голову от бешенства и ревности. Немедленно пустившись вслед за нами, он настиг нас неподалеку от Таниса, заколол кинжалом мужа Эсфири, а ее хотел увезти, но представленный к нам надсмотрщик отравил ее. Благодаря влиянию верховного жреца всё это дело замяли. Аменофис переехал в Фивы, но с той поры сделался тем сдержанным, серьезным и задумчивым человеком, каким ты его знаешь. Он сохранил ко мне теплое чувство дружбы, постоянно мне покровительствовал, и мы не переставали видеться время от

времени. Я также имел случай узнать его религиозные воззрения и нахожу, что он – великий мудрец. Что же до тебя, сын мой, то я желаю, чтобы ты был моим и сердцем и убеждениями, но так как это тебе противно, то я подожду: может статься, ты со временем передумаешь.

Я повторил, что никак не могу исполнить его желание, и, сильно взволнованный, возвратился домой.

Спустя час ко мне ворвалась моя мать, вне себя от гнева, и начала осыпать меня бранью и упреками.

– Осел! – кричала она. – Ты не понимаешь своего счастья и из-за пустяка, о котором и говорить не стоит, отказываешься от такого богатства и красавицы невесты. Посмотри на нее, по крайней мере, прежде чем окончательно решить дело.

Несмотря на мое нежелание, она потащила меня к себе и, осторожно приподняв занавес, отделявший ее спальню от соседней комнаты, прошептала:

– Гляди.

Я заглянул туда и увидел молодую девушку, которая спала на коврах и нагроможденных на полу подушках. Она была роскошно сложена, у нее был орлиный носик, черные волосы и цвет кожи с желтоватым отливом, что всё вместе служило несомненным признаком ее семитского происхождения.

Я уже не просто выглядывал из-за занавеса, а с любопытством просунул в комнату голову: до той поры мне редко случалось видеть женщин. Воспитанный в строгом воздер-

жании, как предписывают правила жизни при храме, и поглощенный наукой, я почти не вспоминал о существовании женского пола.

– Кто эта девушка и откуда она взялась? – спросил я.

– Это родственница первой жены Эноха, – отвечала мать. – Он привез ее к нам погостить, чтобы ты узнал ее поближе.

– Жаль, если она приехала только за этим. Она мне не нравится, и я никогда не полюблю ее, я ищу совсем другого.

Мать смотрела на меня, раскрыв рот.

– Она тебе не нравится?.. Но чего же ты ищешь?

– Этого я не могу определить, но чувствую, что эта девушка не соответствует моим желаниям. При виде ее дух не занялся у меня в груди, сердце не забилося сильнее, и я уверен, что под ее веками не скрывается один из тех взоров, которые леденят и жгут, убивают и неодолимо притягивают. Для нее я никогда не отрекись от веры египтян. Отошли ее к какому-нибудь молодому еврею, который, без сомнения, оценит ее красоту.

Уходя, я вспомнил, что еще ничего не ел, и попросил Кермозу прислать мне в комнату чего-нибудь закусить.

По возвращении в свои покои я бросился на кушетку, сердитый и недовольный: только успел оставить мирное убежище в храме, как меня начали мучить на все лады! Мысль жениться, да еще на девушке нечистого племени, казалась мне смешной и противной. Я решил упорно отстаивать свою сво-

боду от каких бы то ни было посягательств.

Углубленный в свои мысли, я не заметил, как в комнату вошла служанка, подвинула ко мне маленький столик, а затем поставила на него кружку вина и две корзиночки с плодами и печеньями.

Легкий шум от движений служанки заставил меня поднять голову. Передо мной стояла молоденькая девушка с бронзовым цветом лица и чудесными формами тела. Ее большие задумчивые глаза с любопытством меня рассматривали.

«А, – подумал я, – вот еще новая соблазнительница, которую ко мне посылают». Под моим пытливым взором девушка смутилась и опустила взгляд.

– Кто ты и почему смотришь в землю? Я не дикий зверь, и тебе нечего бояться смотреть мне в лицо.

– Меня зовут Хэнаис, – пролепетала она дрожащим голосом.

– Ты еврейка?

– Нет.

Я вздохнул с облегчением.

– Зачем тебя ко мне прислали, когда в доме есть невольники? Скажи моей матери, что я хочу, чтобы мне прислуживали мужчины.

И, подкрепившись присланной закуской, я уснул, причем ни единый женский образ не посетил меня в сновидении.

На другой день я принялся за свои обычные занятия, избегая выходить из дому. Так прошло более двух месяцев, в течение которых ничто не потревожило моей мирной и уединенной жизни.

Энох уехал и увез с собой свою прекрасную родственницу. Моя мать сначала бесилась, но затем отвлеклась зрелищами, которые волновали весь город, ведь фараон Мернеффта²⁵ переехал из Фив в Танис со всем своим двором.

Торжественный въезд государя, выходы в храмы богов с пышным церемониалом, колоссальная свита жрецов, сановников, воинов, царедворцев и слуг, которая всюду следовала за Мернефтой, – всё это наполняло город необычайным оживлением.

Аменофис также приехал на несколько месяцев в Танис, но, очень занятый, смог повидаться со мной только раз и то на минуту. Мне не с кем было посоветоваться относительно моей дальнейшей жизни, поэтому оставалось вопрошать только мир богов.

²⁵ Мернеффта (Мернептах) – фараон из XIX династии, правивший приблизительно в 1213—1203 годах до н. э. Тринадцатый сын Рамзеса II. Имя Мернефты означает «любимый богом Пта». Пта (Птах) – в древнеегипетской мифологии является богом, который создал мир. Такое же имя, в качестве дополнительного, использовал дед Мернефты, фараон Сети I.

Со времени моего возвращения из Фив я еще ни разу не пробовал вызвать то невидимое существо, которое показал мне мой наставник, но в один вечер у меня появилось непреодолимое желание это сделать, и, к моему большому удивлению, я получил следующую загадочную фразу: «Берегись храма, большая опасность угрожает в нем твоему сердцу».

Встревоженный, ровно ничего не понимая в этом предостережении, я решил все-таки посоветоваться с Аменофисом и с этой целью на следующее утро пошел в храм, где рассчитывал его встретить.

Когда я приблизился к священному зданию, богослужение только что кончилось. Народ валил из храма, расходясь во все стороны, а мне следовало двигаться против течения толпы и оказаться внутри.

Я проходил первый двор²⁶, как вдруг кто-то окликнул меня по имени. Обернувшись, я увидел очень богато одетого молодого человека, который нагонял меня широкими шагами.

– Наконец-то я поймал тебя, Пинехас, – воскликнул он, смеясь и трепля меня по плечу. – Где это ты пропадаешь? Вот уже почти месяц, как я в Танисе, и нигде тебя не встретил. Приходи же ко мне в гости.

Я узнал богатого Мену, своего старого товарища, и радушно пожал ему руку.

²⁶ Первый двор – двор сразу за входом в храм. Обычно храм состоял из четырех частей: внешнего двора, внутреннего двора, вестибюля и святая святых.

– Извини меня, я очень занят... Но что ты тут делаешь? Ты также пришел повидаться с Аменофисом?

– Нет, я сопровождал в храм мою сестру Смарагду. Пойдем, я тебя с ней познакомлю.

Он быстро потащил меня к небольшой группе людей, собравшихся у выхода под сенью колонн.

Восемь невольников держали открытый паланкин, в котором сидела женщина в белой одежде. Ее окружали несколько молодых людей, оживленно с ней говоривших. Мена пробирался к паланкину, крича еще издали:

– Смарагда, смотри, я веду к тебе моего старого доброго знакомого.

Я поднял голову – и взор мой магической силой приковало к лицу прекрасной египтянки.

Это была девушка в первой поре юности. Клафт, украшенный драгоценными камнями, удивительно шел к ее нежному личику. Черты ее были правильны, кожа – матовой белизны, а когда Смарагда подняла на меня свои большие выразительные глаза – черные, как ночь, и яркие, как алмаз на солнце, – я невольно затаил дыхание, а мое тело будто пронзила огненная стрела.

Девушка также, по-видимому, не могла отвести от меня своего взора, в котором выражалось любопытство, смешанное с недоброжелательством. О, если б я знал, что это потрясение всего моего существа было не что иное, как смутное воспоминание о предыдущей жизни, которое учащенными

биениями моего сердца как бы говорило мне: «Вот вы опять встречаетесь лицом к лицу в новой телесной оболочке».

Всё только что описанное длилось не дольше нескольких секунд, а затем Мена прервал течение моих мыслей, сказав сестре:

– Вот Пинехас, мой старый школьный товарищ. Я часто говорил тебе, что он трудолюбив, как крот. Теперь же он живет в Танисе и, надеюсь, будет нашим частым гостем. Это человек любезный и образованный, поручаю его твоей благосклонности.

Смарагда слегка наклонила голову в ответ на мой почтительный поклон, а после я познакомился с окружавшими ее молодыми людьми. В их числе находились два офицера гвардии фараона, которых оказалось легко опознать по богатой броне и блестящему шлему. Один из гвардейцев был среднего роста, с сильно загорелым, но умным и приятным лицом, по имени Сетнехт. Другого я уже знал прежде: он провел год у нас в храме, но по своей тупости и лености ничему не научился и, не любимый ни товарищами, ни наставниками, вынужденно оставил школу.

Сейчас Радамес (так звали этого лентяя) возмужал. Он выглядел высоким, как храмовая статуя, но, в отличие от статуи, физиономию имел надменную и отталкивающую. При дворе этот человек занимал должность возничего фараона и, как говорили, находился у последнего в большой милости. Его угрюмые глаза следили за каждым движением Смараг-

ды, а слух жадно ловил каждое слово, которым она обменивалась с Сетнехтом.

Паланкин двинулся в путь, я раскланялся и вскоре потерял его из виду в толпе.

* * *

Будто в опьянении, я отправился домой и теперь уже совсем не хотел видеть Аменофиса: предсказание Изиды объяснилось само собой, и опасность, которая настигла меня в храме, была явная. Никогда в жизни я не только не испытывал ничего подобного, но даже не воображал, чтобы какая-нибудь женщина могла произвести на меня такое впечатление, какое произвела Смарагда, эта белолицая красавица со жгучими глазами.

Мать заметила мое странное состояние и стала осыпать меня вопросами, но я не был расположен к душевным излипаниям и, грубо отделавшись от ее приставаний, заперся у себя.

Грустный и тревожный, я ходил взад и вперед по комнате, стараясь разобраться в своих мыслях. Сестра Мены нравилась мне до такой степени, что я готов был на ней жениться, не раздумывая ни минуты, но вместе с тем не питал иллюзий на этот счет. Мена был несметно богат и знатного рода, я же едва имел приличный достаток. А что касается до моего происхождения, то о нем я не хотел даже и думать. Поми-

мо всего прочего, интуиция подсказывала мне, что я не могу рассчитывать на то, чтобы понравиться гордой девушке, на которой уже не раз останавливались пламенные взоры офицеров фараона. Однако чем больше затруднений я находил в этом деле, тем сильнее воспламенялось во мне желание добиться цели, несмотря на все преграды. Знакомый с магией, я знал способы подчинять себе волю других и решил испытать эту силу в отношении Смарагды. В продолжение нескольких дней я внимательно перечитал все свои папирусы, в которых говорилось об этом, а затем отправился в палаты Мены.

Там я был принят братом с веселым радушием, а сестрой – с холодной сдержанностью, но не смутился и попробовал сосредоточить свою волю, чтобы внушать ей различные желания: то встать с места, то дотронуться до какой-нибудь вещи, то взглянуть на меня. После немногих попыток она легко стала подчиняться силе моей мысли, и спустя некоторое время я сделал более решительный шаг.

Я поставил корзину великолепных цветов, каббалистически²⁷ подготовил их и, наклонившись над ними, представил себе лицо Смарагды. Я мысленно заставил ее глаза глядеть на меня с любовью, ее ротик – нежно мне улыбаться и произносить ласковые слова. Напряжение моей воли было так

²⁷ Каббалистически – здесь: волшебными заклинаниями. Каббала – тайное знание, зашифрованное в Торе, то есть в священной книге иудеев. И получается, что Пинехас, несмотря на то что считал евреев презренным народом, не пренебрегал тайными знаниями, которыми они обладали.

сильно, что пот градом катился у меня по лицу, но, несмотря на усталость, я, не теряя времени, отправился к Мене в сопровождении невольника, который нес корзину.

Мены не было дома, но Смарагда приняла меня. Она сидела в небрежной позе на кресле из слоновой кости, играя с птицей редкой породы, и казалась еще прекраснее обыкновенного. Она приняла поднесенные ей цветы и стала вдыхать их аромат, а я наблюдал за ней в томительном ожидании, и вдруг, к моей великой радости, девушка с приветливой улыбкой повернула ко мне голову и пригласила сесть поближе. Глаза Смарагды заблестели лихорадочным огнем, а язык в точности повторил всё нашептанное мной над цветами, которые ее маленькая ручка один за другим вынимала из корзины.

Довольный, я слушал ее, и сердце мое было преисполнено надежды. Итак, путь к достижению цели оказался найден! А ведь эта прелестная женщина и часть громадного богатства Мены стоили такой трудной борьбы.

Я встал, чтобы проститься. Смарагда, которая была бледна и, очевидно, чувствовала себя неловко, вздохнула с облегчением и, отвернувшись, вытерла себе лоб, на котором выступили капельки пота.

В это мгновение я вспомнил, что не внушал ей: «Пригласи меня бывать почаще». Мой жгучий взор остановился на ее смущенном личике, и почти сразу Смарагда подняла на меня глаза, взгляд ее был неподвижен, а губы дрожали.

– Приходи ко мне почаще, Пинехас, – проговорила она быстро.

Я вышел, сияя от радости, и с того дня приходил часто, тренируя и укрепляя свою тайную власть над девушкой. Иногда она отказывалась принять меня, но мне достаточно было твердо пожелать противоположного, чтобы через минуту видеть запыхавшегося невольника, который бежал вслед за мной с приглашением вернуться к госпоже.

* * *

Вполне уверенный в успехе, однажды утром я отправился к Смарагде. Она встретила меня с мрачным и озабоченным видом, заметно избегая моих взглядов, но я, не обращая внимания на это дурное настроение, сел поближе и, взяв из рук старой нубийки, ее няни, опахало из перьев, стал обмахивать им прелестную хозяйку дома. Затем я устремил на нее пристальный взор и сказал:

– Смарагда, чувства мои, конечно, для тебя не тайна. Хочешь ли ты быть моей женой? Мена так любит тебя, что, вероятно, не станет противиться твоему выбору.

Судорога пробежала по лицу девушки. Смарагда хотела встать, но, поочередно бледнея и краснея, опять упала в кресло и прижала ко лбу свои трепещущие руки.

– Ах! – вдруг воскликнула она. – Ты околдовал меня, Пинехас. Я не хочу быть твоей женой, я не люблю тебя и хочу

сказать «нет», а какая-то непостижимая сила заставляет меня говорить «да, я люблю тебя и принимаю твое предложение». Что всё это значит?

Она быстро наклонилась вперед, как бы думая прочесть на моем лице разгадку своих противоречивых чувств. Я был неприятно поражен, но не потерял самообладания.

– Что ты такое говоришь, Смарагда? Помилуй! Я околдовал тебя? Но ты совершенно свободна в своих действиях, и, если мое присутствие тебе неприятно, я тотчас уйду. – С этими словами я направился к дверям, в то же время мысленно заставляя ее произнести: «Останься, Пинехас, я люблю тебя».

В эту минуту Смарагда машинально повернулась, взглянула на меня потускневшими глазами и прерывающимся голосом пролепетала:

– Останься, Пинехас, я люблю тебя.

Торжествуя, я бросился к ней с раскрытыми объятиями, но, прежде чем успел ее поцеловать, в комнату вошел Мена. Оттолкнув меня, Смарагда бросилась к брату.

– Это неправда, неправда! – воскликнула она. – Я не люблю его, я сказала это против воли. Брат, защити меня от этого ужасного человека...

Она судорожно зарыдала и в изнеможении рухнула в кресло, а ошеломленный Мена вопросительно смотрел на меня. Я увел его в другую комнату и подробно рассказал ему о происшедшей сцене, притворившись, что совершенно не знаю

причины странного поведения Смарагды и могу приписать это только непонятному капризу девушки. Выслушав меня, Мена с недоумением пожал плечами, а затем обнял меня, назвав своим братом, и пригласил прийти завтра повидаться с невестой.

Но когда на следующий день я пришел в его палаты, то узнал, что Смарагда на некоторое время удалилась в храм Изиды, а еще через день невольник принес мне небольшой папирус, на котором были написаны следующие строки: «В храме великой богини меня освободили от власти, которую ты приобрел надо мной, и сказали, что если я хочу сохранить свободу своей воли, то не должна больше с тобой видеться. Избавь же меня от своих посещений и не ищи со мной встречи. Я никогда не буду твоей женой, потому что я не люблю тебя».

Прочитав это послание, я потерял всякое самообладание от ярости. Несколько дней прошли не знаю как: бешенство и жажда мести до того завладели моим сознанием, что я был глух и слеп ко всему окружающему. Энох возвратился и, по видимому, был чем-то очень занят и озабочен. Но я думал только об одном: неужели наука бессильна? Если нет, то она должна дать мне новые средства для достижения моей цели.

* * *

Однажды вечером, мрачный и унылый, я лежал у себя в

комнате, как вдруг кто-то сильно начал трясти меня за плечо.

– Опомнись, Пинехас, и вставай, – произнес голос Эноха. – Как можно предаваться такому бездействию? Пойдем, я хочу представить тебя одному гениальному человеку, который, может быть, устроит твоё счастье.

Я машинально встал и последовал за Энохом. Мы молча прошли сад и многочисленные улицы города: стеснение в груди мешало мне говорить.

По выходе из городских ворот нас ждала колесница, мы сели в нее, и Энох погнал лошадей. Быстрая езда оказалась мне на пользу: вечерний ветер освежил мою пылавшую голову, но сердце продолжало болезненно биться. Я никак не мог свыкнуться с мыслью, что все мои планы уничтожены и Смарагда для меня навсегда потеряна.

Мы остановились у загородного дома Эноха. Невольник принял от нас экипаж и лошадей, а мы вошли в дом. Спутник мой исчез, и я остался один в большой зале, где в первый раз встретился с Аменофисом. Там были приготовлены на столе блюда с жареным мясом, фруктами и сладкими пирожками. Я прошел залу не останавливаясь, поднялся на плоскую кровлю и, облокотившись на перила, стал любоваться чудесным видом, который расстилался внизу.

Загородный дом Эноха стоял на холме, и с этой высоты обширный город был виден как на ладони, со всеми своими дворцами, храмами, укреплениями и массивными воротами. Освещенные лунным светом, тихо и величественно катились

воды Нила, отражая на своей зеркальной поверхности группы пальм с их густолиственными вершинами, здания, возведенные на берегах, а в самой дали – колоссальный силуэт массивных построек храма Изида.

Эта грандиозная картина сильно подействовала на мою смятенную душу: я невольно сравнил ад, кипевший в моей груди, с глубоким, божественным спокойствием природы, и при этом все мои бурные чувства словно слились в одно – чувство неизмеримой скорби. Я закрыл лицо руками, и слезы хлынули у меня из глаз.

Прикосновение чьей-то руки к моему плечу заставило меня вздрогнуть. Я быстро выпрямился, пристыженный и раздраженный, так как жгучие капли, катившиеся по моему лицу, были слезами отверженной любви, смешными и унижительными для мужчины.

– Пинехас, дитя мое, ты мало доверяешь любви своего отца. Зачем ты хочешь скрыть от меня то, что тебя так сильно огорчает? – сказал Энох, взяв меня за руку.

Я хотел заговорить, но он прервал меня:

– Молчи, я всё знаю. Кермоза нашла в твоей комнате холодное и жестокое письмо сестры Мены... Я понимаю твои чувства, так как сам изведал, что неудовлетворенная любовь жжет сильнее, чем раскаленный песок пустыни, и воспламеняет жажду, которую ничто не может утолить. Но, сын мой, от несчастной любви не умирают, если только имеют достаточно твердости и упования, чтобы достигнуть цели: в этом

случае человек так же вынослив, как верблюд, который беспрепятственно проходит выжженное солнцем пространство. Зачем это уныние? Кто тебе сказал, что ты не можешь добиться обладания этой гордой египтянкой помимо ее воли если не сегодня или завтра, то, по крайней мере, через год? Слушай, я хочу открыть тебе великую тайну – тайну, которая имеет громадное значение для народа израильского и, может стать, для твоих собственных целей.

Я свободно вздохнул: слова моего отца, будто прохладный ветер, освежили мое измученное сердце. Если еще оставалась какая-нибудь надежда, я был готов терпеть и ждать.

– Человек, о котором я говорил тебе, – продолжал Энох, и глаза его засверкали воодушевлением, – знаешь ли ты, кто он такой? Это Мезу, который в младенчестве был чудесным образом спасен от истребления, когда прежний фараон приказал убивать всех младенцев-мальчиков израильского народа. Это дитя оказалось не только спасено волей Бога, но и усыновлено дочерью фараона. А через много лет в пустыне, где Мезу скрывался, сам Иегова явился ему в виде пылающего, но не сгорающего куста и повелел совершить великое дело: освободить народ Израиля, вывести его из Египта, дать ему законы и царствовать над ним. Итак, сын мой, если ты захочешь последовать за мной, то сможешь похитить любимую женщину и жить с ней вдали от этой земли рабства, в благословенной стране, которая плодородием своей почвы и изобилием земных плодов напоминает Эдемский сад, где

обитали наши прародители. Предводимый самим Предвечным, народ Иеговы достигнет этой обетованной земли и получит ее во владение. Там также воздвигнется храм, и понадобятся жрецы и маги: там твоя мудрость и познания обеспечат тебе славное будущее.

Я слушал как очарованный. Похитить Смарагду, жить с ней вдаль от ее гордой родни, поставить ее в полную зависимость от моей воли – чего же больше мог я желать?

– Ступай в приемную залу, уже настало время, – сказал Энох, – но смотри... не подавай вида, что я говорил с тобой. Будь в высшей степени почтителен к Мезу и следуй всем его советам, потому что сама премудрость Всевышнего говорит его устами.

Он вышел, а я спустился в ярко освещенную залу и, остановившись у стола, с нетерпением устремил глаза на дверь, в которую должен был войти великий человек.

Через несколько минут послышались шаги, и, сопровождаемый Энохом, вошел высокий незнакомец, один вид которого внушал уважение, смешанное со страхом. Его выразительное лицо было обрамлено массой черных вьющихся волос, строгое очертание рта показывало железную волю, а под густыми бровями горели темные глаза, взгляд которых нелегко было выдержать. Вслед за Энохом показались седые головы десятка стариков, старейшин колен Израилевых²⁸.

²⁸ Колена Израилевы – племена потомков двенадцати сыновей Иакова, образовавшие еврейский народ.

Я низко поклонился Мезу, который на секунду остановился и зорко посмотрел на меня. Этот взгляд пронизывал, как острый клинок меча. Я невольно опустил глаза.

– Энох говорил мне о тебе, Пинехас, – произнес Мезу низким голосом, в котором чувствовалась твердость металла, – и я рассчитываю на тебя.

Слегка кивнув, он прошел дальше и сел в кресло, которое было выше всей остальной мебели. На минуту, казалось, он погрузился в размышление, а затем, заметив, что все мы стоим, сказал:

– Садитесь, братья. Энох и Пинехас, вы займете места возле меня.

Старики уселись на скамьях, а Энох начал разрезать жаркое, заметив:

– Наш вождь не пожелал присутствия слуг при трапезе.

Затем он наполнил вином золотую чашу и подал ее Мезу, приглашая всех остальных самим угощать себя. Мезу высоко поднял чашу.

– Выпьем за успех нашего предприятия для общего спасения, – сказал он, а затем, наклонившись ко мне, тихо прибавил: – Я считаю тебя принятым в наши ряды, сын мой, не связывая ничем твою волю, так как знаю, что личный интерес скрепил твой союз с нами сильнее всяких клятв. Для страсти не существует ни родных, ни закона, ни религии, ни касты, для нее цель освящает средства. Не так ли? Ведь ты страстно желаешь того, к чему стремится твоя душа?

– Да, – ответил я, опустив голову.

Мезу выпил свою чашу вина, и все присутствующие сделали то же самое. А после, облокотившись на стол, он обвел собрание огненным взглядом и начал так:

– Братья! Вы знаете решение, принятое нами на случай, если фараон Мернефта, гордый и упрямый человек, откажется освободить наш народ, который так долго терпит муки и угнетение. Мы победим, ибо я прихожу вооруженный могуществом Иеговы и поражу Египет ужасными язвами, как возвестил мне Предвечный у несгораемого куста. Однако для достижения этой цели необходимы люди, которых и указала мне высшая Премудрость. Будете ли вы беспрекословно повиноваться велениям Иеговы, выраженным мною, его послом?

Мезу встал, все последовали его примеру и в знак покорности склонились перед ним до земли. Я поклонился вместе с прочими, но глаза мои не отрывались от этого паразитического лица. Недаром я был учеником храма и внимательным наблюдателем: в тот момент, когда все головы были преклонены к стопам пророка, мне показалось, что в глазах его мелькнуло выражение горькой иронии...

Я вздрогнул. Уж не издевается ли он над слепой верой, которую внушил этим людям? Но я не имел времени размышлять, потому что Мезу заговорил снова:

– Некоторые из тех язв, которые должны поразить эту страну, будут произведены силою, излитую на вас Предвеч-

ным чрез мое посредство, а вами направленной на египтян. Иегова указал мне людей, достойных этого назначения, и ты находишься в их числе, молодой человек, – прибавил он, обращаясь ко мне. – Я вскоре предстану пред лицом Мернефты и потребую у него освобождения избранного народа Божия, но, прежде чем сделать этот решительный шаг, необходимо закончить важное дело. Один из наших братьев, Элиазар, обвиненный египтянами в высасывании человеческой крови, был схвачен и приговорен к повешению, причем язык его постановили вырвать и бросить на съедение хищным птицам. Приговор этот несправедлив вдвойне, ведь даже если бы Элиазар вправду высасывал кровь некоторых египтян, он делал бы то же самое, что они сами делают с нашим племенем вот уже четыреста лет. На самом же деле вот что произошло: не будучи в состоянии долгие терпеть невыносимое тиранство и вдохновленный волею Иеговы, Элиазар попытался организовать восстание своего колена. Но слишком малочисленные, робкие и не имевшие искусных предводителей, люди эти были разбиты, а несчастный Элиазар, схваченный как зачинщик бунта и, сверх того, обвиненный в высасывании человеческой крови, был приговорен к смерти. Но Господь видит страдания своего народа. Он хочет освободить его, и всемогущая десница²⁹ Предвечного поддерживает каждого из наших братьев. Поэтому Бог не допустил гибели Элиазара: волею Иеговы этот несчастный впал в сон,

²⁹ Десница – правая рука.

подобный смерти, тело окоченело, а язык исчез, отнятый на некоторое время самим Богом. Когда перед совершением казни египтяне разжали ему рот и не нашли языка, говорившего с ними несколько часов назад, то пришли в ужас. Кроме того, поднялась страшная буря. Дерево, на котором повесили тело, сломалось, и Элиазар упал в Нил. Египтяне хотят искать тело, чтобы уничтожить его, но мы должны опередить их. Элиазар не умер, он жив, и я приму меры, чтобы спасти его. Как только придет пора, я дам вам знать, братья. Будьте готовы ко всему, потому что я потребую у Мернефты освобождения моего народа. Теперь же идите по домам, а мне нужно еще поговорить с Энохом.

Старейшины почтительно откланялись и ушли, а я размышлял про себя с негодованием: по какому праву Мезу называет «своим» народом эти еврейские племена, которым Египет вот уже в течение четырехсот лет доставляет пропитание? Если от них требуют оплачивать это гостеприимство трудом, то такое требование вполне справедливо. Мысль вывести из Египта сотни тысяч полезных работников и тем подорвать благосостояние страны меня возмущала: я всё же был, несмотря на примесь еврейской крови в своих жилах, египтянин. Ах, если б я не стремился восторжествовать над Смарагдой и обладать ею во что бы то ни стало! Но эта жгучая страсть сковывала мой язык и делала из меня послушное орудие в руках вождя.

Как только мы остались одни, Мезу обратился ко мне с

многозначительной улыбкой:

– Молодой воспитанник храма, не можешь ли ты помочь мне отыскать тело Элиазара?

Я понял, что этот человек, бывший ученик жрецов, посвященный в тайны, знал ту силу, утаенную от народа, но присущую человеку, которая открывает много возможностей для тех, кто умеет ею пользоваться. Я уже решил повиноваться Мезу и потому отвечал с поклоном:

– Учитель, если я должен отыскать тело Элиазара, то кого ты укажешь мне избрать орудием для этого?

Подумав с минуту, он отвечал:

– Если ты не найдешь того, кто тебе нужен, между еврейскими юношами, которых я тебе укажу и которые предназначены воздействовать на своих товарищей, то надо будет поискать женщину. Ты можешь найти ее между дочерьми людей, бывших здесь сегодня.

В эту минуту я вспомнил о власти, приобретенной мной над волей Смарагды.

– Я знаю одну особу, весьма способную к тому, что нам нужно, но не могу с ней видеться, – сказал я.

Мезу вынул из-за пазухи какой-то камень, ослепительно блестящий и оправленный вроде камеи³⁰.

– Возьми этот камень, – сказал он, – и постарайся сделать так, чтобы его луч упал на ту особу, которую ты хочешь под-

³⁰ Камея – ювелирное изделие, выполненное в технике барельефа на драгоценных либо полудрагоценных камнях.

чинить своей воле. Она ответит на твой зов. Если тебе понадобится меня видеть, Энох проводит тебя: он знает, где я живу. До свидания, сын мой.

* * *

Я простился и вышел, но вместо колесницы потребовал верховую лошадь и отправился в обратный путь мимо палат Мены. В узком переулке, тянувшемся вдоль обширного сада, я остановился, встал на спину лошади и, уцепившись за ветви громадного дерева, взобрался наверх каменной стены, окружавшей сад. Такому ловкому и проворному человеку, каким я был тогда, спуститься с нее было нетрудно.

Я легко соскочил в густую траву и, крадучись как кошка, направился к той части здания, где располагались покои Смарагды.

Звук голосов заставил меня вздрогнуть. Подвигаясь вперед с величайшей осторожностью, я тихонько раздвинул листву и совершенно неожиданно увидел Смарагду, которая сидела на каменной скамье и оживленно беседовала со старой нубийской невольницей, своей няней. Луна ярко освещала белое платье девушки, ее взволнованное лицо и сверкающие глаза.

– Так это верно, что он придет сегодня, он обещал? – спрашивала она.

– Да, дорогая госпожа, он должен прийти с минуты на ми-

нугу.

– Ну так беги, Тент, к садовой калитке и будь внимательна, чтобы ему не пришлось стучать понапрасну.

Старая няня быстро исчезла, и Смарагда осталась одна. Ее маленькие ручки нетерпеливо перебирали массивные кольца ожерелья, украшавшего ее грудь.

Кого она ждала? Кого любила – Радамеса или Сетнехта? Ревность заставила болезненно сжаться мое сердце, но, тотчас же вспомнив Мезу и его обещания, я сделал над собой усилие и снова обрел самообладание. Надо было воспользоваться минутами уединения молодой девушки. Я вынул камень из-за пояса, неслышно подвинулся на месте, чтобы встать прямо против Смарагды, и, отклонив ветви кустов, поднял талисман, чтобы в нем отразился лунный свет. Через несколько секунд Смарагда закрыла глаза, руки ее стали неподвижны, голова откинулась назад и тяжело уперлась в ствол дерева.

Бросив вокруг внимательный взгляд, я вышел из своей за-сады и, протянув руки к спящей, спросил:

– Ты уснула?

– Да.

– Можешь ли ты видеть то, что я желаю?

– Приказывай, – был ответ.

– Ступай же и ищи на берегах Нила тело еврея Элиазара.

Спустя несколько минут она дала мне все необходимые указания и подробное описание того места, где находилось

тело, скрытое в тростнике.

Тогда я дунул ей в лицо, сильно потряс за руку и опрометью бросился в кусты, потому что она готовилась открыть глаза.

Почти в то же мгновение в саду послышались шаги. Любопытство громко заговорило во мне, подстрекая остаться и подслушать разговор Смарагды с избранником ее сердца, но благоразумие взяло верх, и я ушел из сада.

По возвращении домой я пошел к Эноху и передал ему все подробности полученных мной сведений, прибавив, что остальное – его дело, но едва начало светать, как Энох разбудил меня и приказал немедленно идти с ним.

Я проворно оделся, и он повел меня в свою спальню, где на кушетке лежал человек, по-видимому, мертвый. Вид бездыханного тела заставил меня с трепетом попятиться назад.

– Это Элиазар? – спросил я.

– Да, – отвечал Энох, – и мы нуждаемся именно в тебе. Мезу сказал мне, что ты должен знать способ пробуждать от индусского сна, как называют эту мнимую смерть.

Я побледнел. То, что от меня требовалось, составляло часть великих тайн, которые под самыми страшными клятвами я обязался никогда не разглашать. Не хотел ли Мезу вызвать меня на отчаянные поступки, чтоб таким образом отрезать мне отступление? Подумав, я, однако, решил, что тайна прежде всего заключается в способе усыпления себя этим сном, так что можно без особого риска открыть способ

пробуждения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.